

ТАТЬЯНА

ГАРМАШ-РОФФЕ

ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА

13 СПОСОБОВ НЕНАВИДЕТЬ

Частный детектив Алексей Кисанов

Татьяна Гармаш-Роффе
13 способов ненавидеть

«ЭКСМО»

Гармаш-Рофффе Т. В.

13 способов ненавидеть / Т. В. Гармаш-Рофффе — «Эксмо»,
— (Частный детектив Алексей Кисанов)

Этот роман – адская смесь интеллектуального логического расследования и психологического триллера. Всего за один месяц частному детективу Алексею Кисанову надо разгадать 12 убийств, чтобы не допустить 13-е. Все убийства разные, но объединяет их одно – маньяк, который играет с детективом, как кошка с мышкой. Пожалуй, впервые автор представляет нам отрицательного героя, более умного, чем ее главный персонаж. Такого не бывает! Гармаш-Рофффе опять идет на риск. От главы к главе читатель несется по сюжету как на американских горках – вот-вот Кисанов достанет невидимого маньяка, и вдруг – бах – полный провал, тупик, надо срочно что-то придумать, новую версию... Счет идет на часы, потом на минуты... Опять надежда... Если вы никогда не испытывали ощущение, когда у вас в процессе чтения замирает дух от перегрузок и невесомости, то это как раз такая книга! Читайте! И не жалейте себя!

Содержание

Часть 1	6
1 октября	20
2 октября	36
3 октября	38
4 октября	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Гармаш-Роффе 13 способов ненавидеть

...Для чего мне досталась в наследие
Чья-то маска с двусмысленным ртом,
Одноактовой жизни трагедия,
Диалог резонера с шутком?

С. Гандлевский

Фотоме мои читатели!
Вы, поклонники детектива, отлично знаете, что в нем
это победается благодаря находчивой логике, наход-
чивости и безудержной вере в добро!
Я от всей души желаю вам, чтобы этот мощный
и действенный ресурс веро служил вам для
преодоления любых трудностей и препятствий на
жизненном пути.

Часть 1

...Припарковаться, как всегда, было негде. Покрутившись по улочкам, он приткнулся на противоположной стороне, метрах в ста от банка. Вышел из своей «Нивы»-джиба, прижимая локтем небольшой черный портфель к боку, и направился к переходу. Машины нетерпеливо пофыркивали в ожидании зеленого, и он прибавил шаг.

Он почти достиг кромки противоположного тротуара, когда воздух неожиданно взорвал треск мотора. Из компактного, напрягшегося автомобильного стада вырвался мотоцикл и попер прямо на него.

Учуяв неладное, он успел запрыгнуть на тротуар и в то же мгновение ощутил, как его портфель резко потащился назад, выдернулся из-под локтя, увлекаемый мотоциклистом. Ремень портфеля, закрепленный в ладони, развернул его, дернул и затем вырвался из руки, опрокидывая его вслед за собой наземь.

Он ударился головой об ограду, и свет померк в его глазах...

* * *

...У всех нормальных людей есть выходные. А у них – нет. У известной в широких кругах журналистки Александры Касьяновой, равно как и у известного в узких кругах частного детектива Алексея Кисанова, рабочее время было не только не нормированным, но зачастую совершенно непредсказуемым. Вот и приходилось устраивать себе выходные самим.

Сегодня они как раз устроили и поехали в лес, по грибы. Александра в них разбиралась замечательно, а Алексей отличал только белые от лисичек, и то не всегда. Потому с каждым грибом в руке подходил к Александре: на проверку. Но он любил лес, пряный и свежий дух грибов, нагретые солнцем поляны с высокими травами, душный сумрак елей...

Еще он любил бывать в лесу вместе с Александрой. Там он ощущал связь между землей и собой, словно образовывалась невидимая пуповина, подпитывавшая его свежим током энергии. Земля была матерью – о чем обычно говорят бездумно, расхожим штампом, – но в лесу он чувствовал явственно: земля родила его, Алексея Кисанова, и Александру, и травы, и деревья... И грибы тоже.

Еще в лесу очень радостно устраивать пикник, располагаться на полянке, стелить старенькое одеяло, доставать из рюкзака бутерброды с холодной телятиной, и помидорчики с огурчиками, и термосы, и пластмассовые тарелки, и салфетки, и кусочек сахара для кофе, налитого в крышку-чашку термоса... Голод обычно бывал зверским и веселым, вкусность еды не сравнима ни с чем, и этот зверский голод, и блаженный процесс его утоления – это все тоже было счастливым актом единения с землей, с природой.

А потом, когда все съедено и убрано в рюкзачок, растянуться на одеяле и смотреть в небо. И рядом Саша, и в корзинке пузатятся толстые тельца боровичков... И мысли неспешно плывут в голове, как вон те облачка в безмятежной синеве.

Почему говорят, что перпетуум мобиле не существует? Он существует: природа. Здесь, в лесу, в детских красках голубизны, зелени и радостно-желтого пятна солнца, в мелкой копошине всяческих букашек, это было совершенно очевидно. Она самовозобновляется, она вечна. В ней все удивительно ловко устроено: одно кормит другое, жизнь развивается, потом производит другую жизнь. Каждая тварь, малая и большая, смертна, а жизнь вечна. И прекрасна.

Он повернул голову, посмотрел на Александру. Изгибы. Бровь, нос, контур щеки, подбородка. Изысканная линия губ. Саша тоже прекрасна. Она жизнь – его жизнь. Жалко все же, что они не дали начало другой жизни... Но что делать, так вышло.

Он повернулся и обвил ее рукой. В лесу он всегда отчаянно хотел близости с ней, и Сашка, по правде говоря, тоже. Но соглашалась редко: боялась, что набредут на их полянку грибники. И еще насекомых боялась.

С этими мыслями Алексей осторожно подлез под ее майку рукой, положил на живот. Смирненько положил, ни на что не претендуя, – паинька. Живот был нежным и мягким, и он только чуть-чуть пошевеливал пальцами, как рыба плавниками – стоячая такая рыба, которая никуда не собирается плыть. Или, по крайней мере, делает вид, что не собирается.

Сашка чуть-чуть поправилась в последнее время, и ей это шло. А животик вообще стал обалденный: на нем теперь можно было сделать складочку и нежненько его пощипать. И грудь немного увеличилась, а уж что можно делать с грудью, да еще и с такой налившейся, – об этом лучше не думать, а то...

Саша ведь боится насекомых. И грибников тоже.

Потому рука его смирненько покоилась на ее животе, только пальцы чуть шевелились, – ее тело, ее плоть была всегда такой желанной, что он мог получать бесконечное, медленное удовольствие всего лишь от прикосновения. А с более острыми ощущениями можно и до вечера подождать.

Алексей закрыл глаза. Небо, земля и Саша. Пряно пахло грибами, а еще солнцем, хвоей и травами, и его рука-рыба медитировала на Сашкином животе. Жизнь действительно прекрасная штука.

И вдруг он почувствовал, как ее тело напряглось. Истолковав это напряжение так, как только мог истолковать мужчина, он рискнул и скользнул ладонью ниже, под тугую застежку джинсов, потом под резинку трусиков, и подушечки его пальцев уже ощутили ласковую шерстку ее лобка...

Александра вдруг положила свою руку на его. И даже немного вжала его ладонь в сладостную мякоть своего живота. Алексей почувствовал, как запульсировала кровь в его теле, ринувшаяся к... Ну, известно, куда ринувшаяся.

Означал ли ее жест согласие? Он приподнялся на локте, чтобы увидеть выражение ее лица... Оно его несколько озадачило. В нем не было желания – в нем было странное, почти отрешенное блаженство.

– Чувствуешь? – тихо молвила Александра. – Здесь наш ребенок...

Он почему-то отдернул руку. Опрокинулся на спину и уставился в бездонное, яркое небо.

Александра тоже смотрела в небо, тактично давая Алеше время справиться с эмоциями – она пока еще не знала, с какими именно. Приятный для него сюрприз – или неприятный? О ребенке они никогда не говорили – как-то само собой подразумевалось, что они с этим делом опоздали, что не в том возрасте они встретились, что работа-монстр и образ жизни не позволяют...

Наконец Алексей очнулся и указал на ее живот.

– Это вот тут?! Наш ребенок?!

– Ну, не в корзинке же с грибами!

Александра снисходительно улыбнулась. Она вдруг ощутила себя жрицей, посвященной в высшие таинства, недоступные простому люду по имени "мужчины".

Алексей подумал. Потом осторожно встал над ней на четвереньки, приложил щеку к ее животу – или ухо приложил, чтобы послушать, хотя слушать там было еще решительно нечего. Потом оторвался и проговорил, стесняясь, ей в пупок, словно в микрофон:

– Здравствуй... Здравствуй, маленький! Я твой папа...

Он поднял глаза на Сашу.

– Как ты думаешь, он слышит? – спросил он у нее, отчего-то перейдя на шепот.

– Конечно! У него уже есть ушки!

– Ушки... Потрясающе, ушки!.. Значит, теперь он знает не только твой голос, но и мой?..

Алексей снова завалился на спину рядом с ней. Нет, рядом *с ними...*

– А что у него еще есть?

– Все. Только очень маленькое.

– А когда мы с ним познакомимся?

– Через семь месяцев.

– А как мы его назовем?

– Сначала выясним, мальчик будет или девочка.

– А это как выясняется?!

...По дороге домой он задал еще кучу забавных и бестолковых вопросов, немало развеселив Александру. Он вызвался немедленно ехать за клубникой – потому как слышал, что беременные женщины отчего-то хотят клубники, – и она смеялась в ответ и не хотела никакой клубники. Она просто радовалась. Конечно, она предполагала именно такую реакцию Алеши, но одно дело *предполагать*, а другое *знать*. Знать точно, что любимый мужчина рад стать отцом.

Всю ночь Алексей держал теплую ладонь на ее животе и даже во сне бормотал "маленький", так что Александра чуть не всерьез заревновала будущего папу к будущему бэбику.

Путру они быстро разбежались – каждый по своим делам. Александра Касьянова отправилась в редакцию известного еженедельника, а частный детектив Алексей Кисанов (для своих просто Кис) отправился в свой рабочий кабинет, служивший ему как офисом для приема клиентов, так и "храмом уединенного размышления".

Собственно, офисом и по совместительству "храмом" являлась одна из комнат в его трехкомнатной квартире на Смоленке, в старом доме архитектора Желтковского. И в этом теперь заключалась вся проблема.

Проблема немножко заключалась в этом уже и раньше, но сейчас она встала перед Алексеем со всей беспощадной очевидностью: они с Сашей жили каждый у себя. Он здесь, на Смоленке, – она в однокомнатной на проспекте Мира. Они сбегались по вечерам, когда удавалось, – то у нее, то у него. Во всех шкафах множились и дублировались вещи; на полках в ваннных разрастались батареи туалетных вод, лосьонов до бритья и после, кремов для всех мыслимых частей тела, шампуней, гелей... В общем, бардак полный.

Тем не менее он их устраивал: работа нередко отхватывала у них часть ночи, а случалось, и всю, и раздельная жизнь счастливо снимала вопрос о подотчетности, об ожидании по вечерам, оберегала от слишком плотного погружения в дела другого... Давала дышать, одним словом, – давала СВОБОДУ.

...Супруги – это от слова "сопрягаться". *Спрягаться, склоняться* – это когда одно слово диктует обязательную форму другого, и вместе они существуют только так, в своей обязательной взаимной зависимости. А им хотелось «сопрягаться» только тогда, когда, в нарушение грамматики, для этого возникало свободное и обоюдное желание...

И потому накатывавшее иногда ностальгической волной желание жить "нормальной семейной жизнью" неизбежно разбивалось о практицизм преимуществ раздельного быта. И так было до сих пор.

Но теперь, когда у них *появится ребенок...* Собственно, он уже есть – пусть и на стадии эмбриона в еще плоском Сашкином животе... Теперь все менялось!

Неновая мысль о "нормальной семейной жизни" немедленно заиграла новыми красками – новыми доводами и аргументами. Как же иначе?! Ведь они уже не просто соединенные любовью мужчина и женщина. Они *родители*! А родители должны жить со своим ребенком *вместе!!!*

...Ребенок являлся абсолютно логичным результатом их отношений. *Плодом* их отношений, в прямом и переносном смысле. Несколько поздним плодом, неожиданным... Но желанным. Необходимым.

Это их продолжение, его и Саши. Это их посаженное дерево, их построенный дом. Это то, что останется в мире, прожектируется в будущее тогда, когда их не станет.

Впрочем, идея о "построенном доме" носила определенный практический и даже прагматический аспект. Она без обиняков вопрошала: "где?" *Где их дом???*

"Надобно неотложно решить этот вопрос", – размышлял Алексей, радуясь отсутствию клиентов в это утро. Первой, конечно, напрашивалась мысль о том, что жить следует у него, в трехкомнатной и просторной квартире. Но имелось несколько "но".

Первое "но": тут находился его кабинет, а детский плач не самое лучшее звуковое оформление для переговоров с клиентами. Ладно, допустим, он перенесет в таком случае свой кабинет в Сашкину квартиру, оповестит всех клиентов о смене адреса и телефона, а также заявит новые данные в справочники по Москве, равно как и на своем небольшом сайте в Интернете.

Следующее "но" заключалось в том, что квартира его нуждалась в серьезном капитальном (и дорогостоящем) ремонте.

И Садовое кольцо – отнюдь не лучший микроклимат для малыша – это третье "но".

Отсюда просто и естественно вытекала мысль о покупке новой квартиры. В каком-нибудь тихом дворике, зеленом островке, – дома сейчас строят качественные повсюду, а жить в пределах Садового кольца вовсе не обязательно...

В самом деле, вместо того чтобы тратить деньги на ремонт его квартиры, их лучше вложить в покупку новой! Кроме того, в таком раскладе Алексею не придется менять адрес кабинета, и квартира Саши останется незанятой, что тоже хорошо. Он полагал, что для нее это психологически важно: у нее всегда будет убежище на случай, когда и если захочется побыть одной. Может, никогда и не захочется, но важно знать, что оно, убежище, имеется...

И вот еще что: надо им наконец пожениться!

Вечером он поделился своими соображениями с Александрой. И потом тактично ждал, давая ей время справиться с эмоциями – он пока еще не знал, с какими именно... Приятный для нее сюрприз – или не очень?

Александра думала совсем недолго.

– А что у нас с деньгами? Хватит на покупку?

– Я займусь этим вопросом немедленно, – пообещал он. – Выясню цены. По-моему, должно хватить!

– В ЗАГСе тоже разумеешь?

Это означало, что Саша согласилась. Согласилась!!!

Конечно, он примерно так и предполагал, они с Александрой нередко думали в унисон. Но одно дело *предполагать*, а другое дело – *знать*. Знать точно, что любимая женщина готова стать его женой...

Александра не переставала изумляться, как легко и нечаянно изменилось течение ее жизни. И мыслей. Еще столь недавно, каких-то несколько лет назад, она не верила, что можно любить. Любить мужчину – это важное уточнение. Потому что другая любовь – к семье своей, родителям, младшей сестре Ксюше, – эта любовь была ей ведома. И свята.

С мужчинами же было все значительно сложнее...

...Александра родилась красивой. Сколько она помнила себя, столько она помнила тянувшиеся к ней, как руки, мужские взгляды. Но, глядя в их жадные глаза, она отчетливо понимала: жизнь им представляется, как пиршественный стол, за которым подают женскую плоть. Где, поев красной икорки, они вожделеют черной, отведав ягнятинки, требуют говядинки... А ягнятинки с говядинками принаряжаются изо всех сил, почитая участь попасть в сластолюбивый рот за честь. И завидуют им отчаянно дурнушки, потому что женское тщеславие основано на количестве сомнительных побед в соревновании за мужскую похоть...

Александра же была весьма высокого мнения о своей личности и сводиться в мужских глазах до статуса "ягнятинки" никак не желала. Возможно, это Тимур¹ так извратил ее представление о мужчинах, но... У нее не было оснований считать иначе. До тех пор, пока в ее жизни не появился Алеша.

...Он зашел в ее душу с черного хода. Да что там "зашел" – беспардонно влез! Без парада, без церемоний, без звонка. Сначала он грубо вытащил на свет божий ее самые потаенные, самые стыдные секреты. Потом, против всех ожиданий, оказался к ним бережным... Потом он... Или сразу? Да, пожалуй, Александра с самого начала ощутила, что нравится ему... Да мало ли кому она нравилась! Она знала, что стоит за этим словом. Но он ничего не просил, не ждал, не намекал на благодарность. Просто спас ее – и ушел в тень.

Она удивилась. Оценила. И позволила ему быть другом. А спустя какое-то время предложила ему стать любовником. Довольно цинично, если честно: как меньшее из двух зол. Если уж нужен женщине мужчина, то пусть будет он, Алеша. Ее друг. Так она рассудила тогда...

О, выбор в пользу "меньшего из двух зол" оказался ловушкой! Очень скоро она поняла, что воздух не дышится без него... Это было почти страшное, хоть и счастливое открытие. Имя ему было – любовь, как ни хотелось ей произносить это затасканное и лживое слово. Иногда утром, глядя на его спокойные во сне черты, она ощущала такую великую нежность, что пугалась. Он слишком много значил для нее. Он слишком много места занял в ней – во всем ее существовании. Он стал таким родным, что их секс иногда казался ей инцестом...

И вдруг беременность. Да ладно бы только беременность ВДРУГ! Ее другое ВДРУГ изумило: как она без малейшего колебания, без секундного раздумья приняла этот поворот в своей жизни: ребенок. Их с Алешей ребенок. Да будет так!

Он являлся абсолютно логичным результатом их отношений. *Плодом* их отношений, в прямом и переносном смысле. Несколько поздним плодом, неожиданным... Но желанным. Необходимым. Просто это должно было однажды случиться – теперь она поняла это. Судьбе надоело ждать, пока они, глупые, додумаются сами. И решила все за них.

И, разумеется, теперь они должны пожениться и жить вместе. Она немного побаивалась, что совместный быт может усложнить их отношения... Но они больше не просто мужчина и женщина, соединенные любовью. Они теперь – *родители*. А родители должны жить со своим ребенком вместе. Баста.

Алексей не следил за ценами на жилье, нужды до сих пор не возникало, но полагал, что трехкомнатная квартира стоит тысяч двести долларов (вольно правительству издавать указы о непременном обозначении цен в рублях – в квартирном вопросе царил архаичный долларовый подход). Не шикарная, но хорошая. И такой суммой он располагал. Каких-то десять лет назад подобные цифры встречались только в переводной литературе – и Алексей гордился тем, что сумел ее заработать. Сам.

У Александры, транжирки, набралось бы, наверное, еще тысяч пятьдесят. Итого – четверть миллиона! Ничего себе, прямо ненаучная фантастика!

...Но сегодняшняя экскурсия по Интернету повергла его в шок. Квадратный метр в новостройке, даже на начальном цикле (когда цена значительно ниже), сильно зашкаливал за три тысячи в валюте. Выходило, что со своей фантастической четвертью миллиона долларов они могли купить весьма средненькое жилье. И это у черта на куличках, в каких-то отдаленных местах непомерно раздувшейся столицы, которым он, коренной житель Садового, даже названий не знал. Кроме того, строительство закончат в следующем году – и то *обещают*. Потом отделка, обстановка – не успеют они к рождению ребенка!

¹ См. роман Татьяны Гармаш-Роффе «Шантаж от Версаче», издательство «Эксмо».

Алексей проделал поиск заново, теперь уже просматривая варианты на вторичном рынке. Но и тут приличные трехкомнатные квартиры оказались чудовищно дороги, от пятисот тысяч у. е. и выше, выше, выше... Нечего даже и мечтать.

Он сделал еще раз поиск, выбирая на этот раз квартиры, нуждающиеся в ремонте. Он стоит, конечно, денег, и немалых, но хотя бы не вся сумма сразу вперед, что немного позволяло дышать...

Однако и для такой покупки их сбережений, как выяснилось, катастрофически не хватало. Посему он принялся смотреть цены на дачи, осознав, что придется им что-то продавать. Домишко у Алексея на участке никудышный, но ведь нынче ценится земля, а не древние избушки советских времен: все равно снесут и построят новое жилье...

Дачи Алексею было чуть-чуть жалко – из-за детских воспоминаний. Но делать нечего, суровая действительность не считалась с сантиментами. А в практическом смысле, для летнего загородного отдыха, *в их семье* имела еще дача Александры.

Но сумма все равно не набиралась! Он растерялся. Что теперь делать? Отказаться от покупки – и жить на Смоленке, в чаду машинных выхлопов? А его кабинет? Занять под него квартиру Александры? Или купить студию? После капитального ремонта его квартиры не останется даже на замухрышку с окнами на МКАД... Может, взять ипотеку? Проценты банков были драконовскими, как и условия...

Расстроившись окончательно, он поехал к Александре с распечатками с сайтов по недвижимости и горькими размышлениями.

Она послушала, посмотрела распечатки и заключила:

– Продаем твою дачу и мою квартиру. И купим новую в зеленом островке где-нибудь сразу за Садовым. ВДНХ, Динамо, Фили, Сокольники – что там еще в Москве зеленого есть? А твоя останется тебе для работы.

Алексей оценил ее жест. Он дорожил этой старой квартирой, в которой жили два поколения его семьи, и Саша знала об этом.

Немного подумав, он принял ее подарок. Александра никогда не делала ложных жестов "по доброте". Тех фальшивых жестов мягкотелости, после которых люди немедленно жалеют о своей "доброте", называя этим красивым словом собственную трусость и неумение отказывать.

– Тогда нам остается только выбрать квартиру! – заключила Александра.

...Ваня – юный друг, жилец и ассистент Алексея, недавний студент, а ныне аспирант – воспринял новость так, словно был детективу отцом родным:

– Ну, слава богу, насилу я вас уговорил! Сколько лет своей молодой жизни на это положил!!!

Ванька хоть и ерничал, но правду говорил: он давно уже агитировал Алексея "жить по-человечески", то есть с Александрой. На самом же деле он просто предчувствовал свой уход из квартиры на Смоленке, где практически провел все свои студенческие годы, и понимал, что это будет непросто для них обоих. За годы их совместной холостяцкой жизни Алексей стал Ивану больше чем друг – он стал ему "двоюродным папой", более близким по духу и складу, чем родной. Бездетный Алексей тоже сильно привязался к парнишке.

– Ты еще не знаешь главного: Александра беременна! – сказал он.

– И вы будете рожать?!

– Будем, – кивнул Кис.

Ванька присвистнул, потом хлопнул "двоюродного папу" по плечу и заявил, что будет шафером, свидетелем, крестным отцом, кумом, деверем и еще чем-то таким, чему толкования не знали оба, зато стало ужасно весело.

Потом Ванек вдруг озаботился здоровьем Александры и пообещал найти лучшего во всей Москве гинеколога. Затем принялся вникать в проекты по приобретению недвижимости и вызвался сыскать наилучшего агента Москвы.

Алексей, как ни старался, так и не сумел охладить пыл своего юного друга, и через два дня ему была вручена записка с номером телефона "лучшего гинеколога", а также представлена женщина в качестве "лучшего риелтора", а проще (хоть и длиннее) говоря, агента по недвижимости.

Людмила – так ее звали, – приятная женщина средних лет, была немногословна. Усвоив поставленную перед ней задачу, она пообещала дать полный обзор по интересующему детектива вопросу через пару дней.

И через пару дней она, как обещала (о чудо!!!), предложила им список вариантов, плюс-минус соответствовавших запросу, а также попросила назначить дни для просмотра квартиры и дачи: покупатели нашлись моментально, невзирая на условие, чтобы Александра проживала у себя на проспекте Мира до переезда.

Машина сделки завертелась с ужасающей быстротой. Дача Кисанова и квартира Александры улетели в считанные дни. Требуемая сумма наконец сложилась, оставалось только выбрать подходящее им жилье. Они с Александрой утомились в хождениях и пристрастных просмотрах квартир по списку Людмилы и наконец остановили свой выбор на одной – в районе ВДНХ, недалеко от Студии имени Горького, в кирпичном доме на тенистой аллее.

Продавец желал получить поскорее деньги, а Алексей, со своей стороны, тоже не хотел тянуть: а ну как появится конкурент, который предложит продавцу больше! Цены росли еженедельно...

Кроме того, времени до родов – с учетом всех хлопот по последующему ремонту да закупке обстановки, включая детскую комнату, – оставалось впрытк. И посему Алексей очень торопился, торопил Людмилу, а она оказалась и впрямь человеком очень толковым и обязательным, так что дело двигалось резво.

Наступила очередь бумажек, походов к нотариусу, подписей и гербовых печатей. Быстро ли, нет ли, а сентябрь пролетел, прибавив месяц к возрасту их малыша.

И пришел день Д – день сделки. Следовало заложить деньги в банковский сейф, таковы были правила, – после подписания всех бумаг ее оттуда заберет продавец квартиры на тенистой аллее. Алексей отправился в свой банк, где практически полностью опустошил свой счет, обналичив требуемую сумму. Загрузив небольшой портфельчик большой пачкой купюр с портретами американских президентов, он направился в банк, где находился предусмотренный договором депозитарий, то есть тот самый сейф.

...Припарковаться, как всегда, было негде. Покрутившись по улочкам, он приткнулся на противоположной стороне, метрах в ста от банка. Вышел из своей «Нивы»-джипа, прижимая локтем небольшой черный портфель к боку, и направился к переходу. Машины нетерпеливо пофыркивали в ожидании зеленого, и он прибавил шагу.

Он почти достиг кромки противоположного тротуара, когда воздух неожиданно взорвал треск мотора. Из компактного, напрягшегося автомобильного стада вырвался мотоцикл и попер прямо на него.

Учуяв неладное, он успел запрыгнуть на тротуар и в то же мгновение ощутил, как его портфель резко потащился назад, выдернулся из-под локтя, увлекаемый мотоциклистом. Ремень портфеля, закрепленный в ладони, развернул его, дернул и затем вырвался из руки, опрокидывая его вслед за собой наземь.

Он ударился головой об ограду, и свет померк в его глазах...

* * *

Страшный женский визг завибрировал в ушах. Он пришел в себя. И вспомнил, что произошло.

А произошло самое простое и самое ужасное: *его ограбили почти на шестьсот тысяч долларов. Почти у входа в банк.*

Когда Алексей поднялся, от мотоцикла, конечно, и след простыл. Вместе с портфелем. Со всеми деньгами, предназначенными на оплату их новой комфортной квартиры для жизни вдвоем, с малышом.

Водители, свидетели происшествия, задерживаться не пожелали и уже давно исчезли из виду. Рядом, на тротуаре, стояла только женщина, участливо разглядывавшая его разбитый лоб, и чуть поодаль пожилой мужчина с большим коричневым портфелем, похожий на бухгалтера.

Алексей вытер о брюки ободранные ладони. Голова гудела. Он осторожно провел рукой по лбу: кровь. Она уже подбиралась к крыльям носа. Он пошарил по карманам в поисках паке-тика носовых платков. Но его почему-то не оказалось. Ах да, он остался в портфеле... Смешно, не правда ль: у него украли носовые платки и более полумиллиона долларов... Обхохочешься.

Он вспомнил, как Серега, старый друг еще по сыщицкой работе на Петровке, ему пару дней назад предлагал: "Может, тебя сопроводить в банк?" Но Алексей самонадеянно отказался. От машины до банка всего несколько шагов! И он, бывший опер и ныне частный детектив, вполне в состоянии дать отпор, если что!

В состоянии, да... Только вот не дал. Сработал эффект неожиданности – а все потому, что самонадеянность вела его, шепча, что ничего не может случиться за несколько коротких минут, за несколько недолгих шагов...

Мужчина с портфелем, похожий на бухгалтера, подошел к нему.

– Я вызвал милицию, сейчас подъедут... Я свидетель, все расскажу, что видел! Только в отдел я не поеду. Затаскают потом...

– А что вы видели?

– Как вашу сумку мотоциклист выдернул!

– А номер мотоцикла запомнили?

– Нет...

– Может, марку мотоцикла?

– Нет... Большой, красный с черным...

– А водитель?

– Так за шлемом не разглядишь... "Понятно, что за шлемом не разглядишь, – мысленно чертыхнулся Кис, – да только какой же ты, блин, свидетель, если ничего не заметил!"

– Ну, шлем какого цвета? Во что одет мотоциклист?

– В черное...

Женщина все стояла рядом.

– А вы? – спросил ее Кис.

– Ой, я даже не поняла, что случилось! Слышала, мотоцикл трещал, но я только мельком на него глянула, а потом, смотрю, вас вдруг развернуло, дернуло, и вы упали! Я "Скорую" вызвала... – Она смутилась. – Может, зря?

– Спасибо. Ничего, хоть кровь смоют.

– Давайте я оботру!

Она достала из сумки чистый накрахмаленный платочек с цветочками и принялась осторожно промокать ручеек.

– Бандиты какие, надо же! – тихо причитала она, орудуя платочком. – Как же так можно! Вы ведь убится могли! Хорошо еще так обошлось, раной на лбу... Хотя у вас, может, сотрясение мозга?!

Женщина едва не плакала от сочувствия к нему и негодования по поводу "бандитов". Алексей ее любезно поблагодарил и вывернулся из заботливых рук.

У него уже и так сотрясение. При мысли об украденных – так бездарно, так элементарно!!! – деньгах у Алексея сотрясался не только мозг, но и все внутренности.

Он осмотрелся по сторонам. У входа в банк, на высокой площадке, которой венчалась лестница, двое мужчин смотрели в его сторону, о чем-то разговаривая. Оттуда вряд ли возможно было разглядеть номера мотоцикла, но вдруг они хотя бы марку определили... Он направился в их сторону.

– Быстро пронесся, черт, я не успел разглядеть, – ответил один из мужчин. – Но мотоцикл не наш, иностранный, это точно. И довольно старый, на мой взгляд, дизайн несовременный... Думаю, что япошка, пожалуй что, "Хонда", старой модели, лет пять ей...

Второй человек устранился от разговора, сообщив, что стоял к месту происшествия спиной и ничего не видел.

– А если я вам фотографии разных моделей покажу, сумеете опознать? – спросил он первого.

– Это вы меня что ж, в милицию приглашаете?

– Необязательно. Можно ко мне домой. – Алексей, зная нелюбовь граждан к родной милиции, протянул визитку.

– Видите ль, я человек занятой, – ответил мужчина. – Может, выкрою время, позвоню... Но не обещаю.

Понятно. Хоть на визитке и сказано: "Частный детектив", – аллергия на МВД покрывает и эту вполне безобидную категорию.

– Номера?

– Не разглядел.

– Водитель?

– В черном, шлем тоже. Если расстояние не сыграло шутку, то росту немаленького.

– Обычно водитель мотоцикла несколько пригнут к рулю, за счет чего кажется меньше ростом. А тут он выпрямился, выхватывая мой портфель. Поэтому мог показаться выше. Что скажете?

– Скажу, что вы правы. Но все равно немаленький мужичонка. Не говорю, что большой, – просто не коротышка. Уже кое-что, а?

Уже кое-что, м-да... Алексей почувствовал, как подбирается к грудной клетке волна отчаяния, лишая его кислорода. Легкие парализовало на полувздохе, ни тпру ни ну. Он с трудом совладал с собой и перевел дух.

– Оставьте мне ваши координаты, пожалуйста...

– У меня есть ваша визитка... Я сам позвоню, как только выкрою время.

Это означало "никогда". Алексей молча кивнул и отошел. У тротуара притормозила милицейская машина. Он направился к ней. Довольно быстро договорившись с молоденьким лейтенантом, сидевшим рядом с водилой, о том, что он подъедет в отделение позже и сделает полагающееся заявление, Алексей вернулся на высокие ступеньки. Народ высыпал из дверей и стоял на площадке, крутя шеями. Видимо, до тех, кто находился внутри банка, запоздало дошло сообщение о происшествии, и люди возжаждали зрелищ. Однако зреть уже было нечего, и лица припечатали разочарование.

Алексей вошел в банк. У одной из колонн он увидел на стульях небольшую группку: его агент по недвижимости Людмила, продавец квартиры Роман и его агент. Они ждали Кисанова для завершения сделки.

Алексей приблизился.

– Сожалею, но сделка не состоится. Меня только что ограбили.

Он резко повернулся и покинул банк. Слова сочувствия, хоть искренние, хоть пустые, ему совсем были не нужны. Спасти его могло одно: деятельность!

На выходе из банка он столкнулся с человеком в белом халате. Наверняка фельдшер со "Скорой".

– Кто тут пострадавший? – зычно зывал врач.

– Сбежал, – коротко бросил Кис через плечо.

Он поехал в отделение, где написал, как того требовали правила, заявление. Отчетливо понимая, что грабителя не найдут никогда.

Дежурный опер, которому поручили проводить проверку по его заявлению, был еще той, старой закалки. Он разразился длинным монологом, не давая Кису вставить ни слова.

– Ты что же делаешь? Ты же не лох последний, сам с Петровки не так давно уволился! С такими деньгами один по улице поперся! Не знаешь разве, что у нас завал с уличными грабежами? Мы не то что их раскрывать – мы их штамповать не успеваем! Ты у меня уже за дежурство пятый, а время только к обеду! И что мне теперь прикажешь делать? Спасибо тебе за очередной висяк сказать? Да меня завтра с утра начальник как котенка носом будет во все это дерьмо окунать! А не дай бог, убийство! Тогда твой рывок недели две никто из ящика не достанет! Да что мне тебе объяснять, сам все понимаешь...

– Понимаю, не кипятись... Но тут другое. Кто-то точно знал, что именно у меня в портфеле лежит.

– С чего ты взял?

– Ну, сам сообрази: напал он на меня за сто метров от банка, причем на переходе: то есть, он не мог даже знать, сверну ли я в сторону банка. Тем не менее, он выбрал меня! Странно, не находишь? Далее. Такие разбойники грабят обычно женщин, – у них куда легче сумку с плеча сдернуть. Однако он всех женщин, что шли передо мной, пропустил. Продолжать?

– Хех... Ладно, убедил.

– Вот и хорошо. Так что посоображай на этот счет... Я заяву написал, теперь тебе решать – под попу положишь или искать будешь... Дело, понятно, почтидохлое, но если все же сумеете найти гада, то я вам хорошо заплачу. В частном порядке.

Алексей мало верил, что бывшим коллегам удастся что-нибудь сделать. Сказал так, для очистки совести...

Как сообщить об этом Александре – он даже не представлял. Более полумиллиона долларов улетучились в прямом смысле по воздуху, в одно мгновение. Годы трудов – в одно мгновение...

Пропали не просто деньги – пропало новое жилье для их семьи; пропала Сашина однокомнатная квартира на проспекте Мира и дача Алексея... Как сказать об этом Александре?! Научите меня кто-нибудь – как сообщать о подобных вещах?! Да не какому-то там потерпевшему, а *любимой женищине?! Которая ждет ребенка – вашего ребенка?!!*

Он решительно не знал, как об этом сказать. И не сказать было нельзя. О нет, не от повышенной честности, отнюдь! Если бы Кис мог, он бы непременно утаил от нее эту жуткую правду!

Да только как ее утаишь, когда сделка расстроилась и никакой квартиры у них теперь не будет...

Делать нечего, он сказал.

– Не нравится мне это... – отреагировала Александра.

– Было бы странно, если бы понравилось...

– Я не о том. Плохо начинается моя беременность... Дурной знак. Может, прервать, пока не поздно?

– Саша, ты что?! В самом деле, неужели ты веришь в эту чепуху?

– Это наблюдения, мои личные. Если что-то не заладилось с самого начала – значит, ты не в ту сторону пошел, не по тому пути. Иными словами, тебе это и не надо делать... Или еще время не пришло.

- По-моему, это слабость, Саша. Извини. Она хмуро посмотрела на него.
- Ты просто не понимаешь... Ты не веришь в знаки.
- Саша, какие, к черту, знаки? Ты Кастанеды начиталась?!
- Это мой собственный опыт!

Алексей понял, что сейчас они поссорятся. Он заставил себя успокоиться, прогнать неуместное раздражение. Вдох-выдох, сбрасываем негатив.

– Я понимаю тебя, – произнес он раздумчиво. – Ребенка мы с тобой не планировали. Беременность пришла поздновато и случайно. И хотя и ты, и я – мы оба мгновенно решили, что так тому и быть, ты все-таки иногда задаешь себе вопрос, правильно ли сейчас решаться на роды... Да?

Она ответила не сразу, но все же ответила:

– Да.

– И сейчас это негативное событие наложилось на твои сомнения. Ты решила, что это знак *против*. Потому что в твоём мозгу есть какие-то сомнения, какие-то не до конца разрешенные аргументы *против*. Так?

– Так...

– Саша, я ничего не понимаю в *знаках*. Кастанеда на меня наваял глубокий сон при чтении. Так что я в этом вопросе полный профан. Придется тебе самой делать выводы. Но вот скажи мне: мы с тобой предохранялись, верно?

– Да.

– Мы считали, что ребенок, наш с тобой общий ребенок – это мимо, это мы проехали, поезд ушел. Так?

– Да.

– И вдруг, несмотря на все меры, ты забеременела. Теперь скажи – это знак или нет?

Она молчала.

– Подумай. Ты этому обрадовалась. И я тоже. Вопреки всему. Так это знак или что?

– Наверное...

– Как будто ребенка нам бог послал. Или кто там заправляет нашими судьбами? Лично у меня было именно такое чувство...

– У меня тоже...

– И вдруг такая неприятность, ограбление. Огромная неприятность. Это удар для меня и для тебя, спору нет. Но скажи, Саша, когда ты болеешь, то ты принимаешь это как знак? И смиряешься с судьбой, которая намекнула тебе, что кранты? Или ты все-таки идешь к врачу и пьешь таблетки?

– Алеш, ну что ты глупости говоришь... Конечно, иду к врачу! И пью таблетки...

– Ага, значит, ты не считаешь, что болезнь – это знак судьбы и пора помирать?

– Ладно, сдаюсь. Ты прав.

– Тем более что мы с тобой живы, здоровы, и наш малыш ведет себя на пятерку...

– Да...

Она вдруг расплакалась, уперевшись лбом в его плечо.

– Ну что такое? – ласково спросил он. – Что не так?

– Все так... Я люблю тебя... ты очень хороший...

– Это повод для слез? – усмехнулся Алексей.

– Нет, – Александра хлюпнула носом. – Для любви...

– Вот и отлично. Значит, выбрасываем всякие глупости из головы?

– Да...

– А над остальным я постараюсь поработать. Если этот божок, который, прорвавшись через все наши предохранительные защиты, подкинул нам ребенка, то он нас и не оставит. Он

должен работу довести до конца! Люди это плохо умеют, но зато боги на то они и боги, чтобы быть совершенными! Согласна?

Александра улыбнулась сквозь слезы.

– Бог, – продолжил Алексей, – он же не при советской власти воспитан, чтобы быть халтурщиком! Он не повесит пиджачок на спинку стула, а сам рванет по магазинам, делая вид, что ушел на каких-то ничтожных пять минут... – Он пытался удержать ее улыбку, не дать ей ускользнуть, не позволить Саше вернуться к тем словам, с которых начался их разговор. – Бог – это что-то такое высшее, верховное, умное, всезнающее и всевидящее... Правда? И, следовательно, подарив нам ребенка, он будет нас опекать и дальше... Он должен нам помочь, Саша!

Алексей очень хотел, чтобы она ему поверила. Она оторвалась от его плеча, вытерла глаза и нос и, всхлипнув напоследок, спросила:

– Как ты думаешь, ты сможешь найти грабителя?

– Постараюсь.

– Ты всегда находил, Алеша... – Она с надеждой посмотрела на него.

Алексей не выдержал этот взгляд – девочка, ожидающая чуда. Он отвернулся. Он не мог пообещать ей чудо. Он же не бог.

Он только улыбнулся ободряюще. А что ему еще оставалось делать?

Но делать что-то надо было. Причем срочно, по горячим следам! И Алексей немедленно кинулся в расследование. Чем бы оно ни увенчалось, но он не мог пребывать в бездействии – он бы просто свихнулся.

Искать мотоцикл бессмысленно. Слишком мало сведений о нем. Следовало начать с другой стороны: кто мог знать о дне и часе закладки денег в банковский сейф? Причем не вообще банковский, а данного банка? На подходах к которому было легко вычислить Алексея при том небольшом условии, что грабитель знал его в лицо.

Ну, разумеется, о дне и часе знала Александра. Кому она могла сказать, что именно сегодня подписывается договор о покупке и деньги закладываются в банковский сейф? Надо у нее это выяснить... Не сейчас, чуть позже, когда она успокоится.

Сам Алексей никому не говорил. Ну, точнее, Ванька знал. А Ваньке доверие на сто. Еще Сере-га, давний дружан, – это тоже на сто. Но, кроме них, существовали еще люди, которые были осведомлены: агент по недвижимости Людмила и сторона продавца.

Людмила была вне подозрений. Она любила свою работу, гордилась своими успехами и своей репутацией: она сама достигла всего с нуля, стала авторитетным профессионалом, клиенты бегали за ней, передавая ее телефон как заветное "Сезам, отворись!"...

Зарабатывала она хорошо, хоть и вполне тяжким трудом, а на заработанное содержала огромную семью. Ни по своим человеческим качествам, которые Алексей отчетливо учуял, ни по своей профессиональной ситуации она бы никогда не пошла на подобное. И по тем же причинам сболтнуть не могла. Она уже пятнадцать лет в профессии, прекрасно понимает, о чем можно говорить, а о чем нельзя.

Оставался продавец, Роман. Он сам и как минимум его семья знали день и час. И могли трепануть еще куче знакомых...

Кроме того, знал агент по недвижимости Романа.

Весело... Придется заняться вплотную личностью продавца, его семьей, агентом и знакомыми.

...Впрочем, по зрелом размышлении не так уж, на самом деле, и широк круг потенциально подозреваемых. Именно по той причине, что для ограбления нужно было быть не только осведомленным о времени и месте сделки, но еще и знать детектива в лицо!

А в лицо его знал лишь сам продавец, Роман. Но он не мог оказаться мотоциклистом-грабителем, так как в этот самый момент находился внутри банка. Зато он мог оказаться орга-

низатором ограбления. У него есть, Алексей это знал, сын-подросток... Вдруг хитроумный папаша поручил ему эту операцию? Дал адрес детектива – в документах на сделку он указан, – после чего сынок проследил за Кисановым, усвоил его портрет и в заветный час поджидал его у перехода?!

Не откладывая дела в долгий ящик, Алексей отправился к Роману домой.

Тот был в ярости из-за срыва сделки. Кажется, неподдельной: он должен был срочно переезжать с семьей в Питер, куда перевели его компанию. Если бы он прикарманил деньги Алексея, то должен был быть скорее благодушен: разжился дармовой и весьма крупной суммой да при квартире остался.

Впрочем, ярость могла оказаться наигранной, даже если не казалась детективу таковой. Он пустился в беседу, охал и вздыхал, сочувствовал себе и ему, Роману, и вел витиеватые разговоры, целью которых было выяснить, кто из его знакомых владеет искусством езды на мотоцикле.

Оказалось, что сыну всего четырнадцать лет и ни о каком мотоцикле не могло быть и речи: это не входило в педагогические планы Романа. Да и то: один из свидетелей уверен, что мотоциклист был росту немалого. А четырнадцатилетний сын продавца имел вид несколько тщедушный.

Что ж, тем лучше. Если сам Роман и его сын вне подозрений, то детектив мог позволить себе быть откровеннее.

– Ограбление могло состояться при условии, что грабитель владел тремя пунктами информации: он должен был быть осведомленным о самом наличии сделки; о дате и времени сделки; а также знать меня в лицо. Ну и, разумеется, он должен иметь мотоцикл: скорее всего, подержанный японский. На худой конец, он должен иметь хорошие навыки вождения, а сам мотоцикл мог позаимствовать у знакомых и даже угнать... С другой стороны, наличие хороших навыков было бы весьма сомнительно при отсутствии собственного средства мотопередвижения. Брать мотор у приятелей взаймы годится только для того, чтобы пару раз прокатиться вокруг дома. Где нет ни светофоров, ни пешеходов. А наш грабитель владел хорошо – **ОЧЕНЬ ХОРОШО!** – мотоциклом. Он точнехонько рассчитал и время, и траекторию. Так что, скорее всего, этот человек имеет мотоцикл в собственном распоряжении и ездит на нем постоянно. Подумайте, Роман, кто из ваших знакомых соответствует перечисленным условиям? Информация плюс наличие мотоцикла?

– Никто, – подумав, твердо ответил Роман.

– А что вы думаете о вашем агенте по недвижимости?

Роман вскинул на детектива обалделый взгляд.

– Эка... Он на мотоцикле передвигается! Я не видел, но он сам хвастался, что для него пробок не существует!

– Это не годится, Роман, – мягко сказал Алексей. – Ваш агент находился в банке в момент ограбления. Вот что он мог сделать, так это передать третьему лицу информацию о сделке, дате и времени. Мой вопрос скорее о ваших человеческих впечатлениях. Ограбление кое о чем говорит: оно очень четко спланировано и виртуозно выполнено. То есть расчетливый ум и самонадеянность, граничащая с наглостью. И, разумеется, отсутствие базовой морали на уровне "не укради".

Роман подумал.

– Знаете, – сказал он вдруг с теплотой в голосе, – я тут на вас наехал... Извините. Раздражение, спешка, то-се... Но я хорошо вас понимаю. Если бы у меня какая-нибудь скотина сперла такие деньги, я бы башку ей открутил!

– Чтобы открутить башку, надо сначала эту башку найти, – резонно напомнил ему Алексей о цели беседы.

– Ну да... Черт его знает. Вроде нормальный мужик. А там...

Кис не стал дебатировать на предмет характеристики "нормальный мужик". Хотя мог бы рассказать Роману, как часто доводилось ему слышать аналогичную характеристику, произнесенную одним бандитом в адрес другого: "Он нормальный мужик..." Имелось в виду, если расшифровать, следующее: подумаешь, убил парочку людей, но (но!) он нормальный мужик, просто погорячился...

– Дайте мне его телефоны, пожалуйста, – попросил он Романа.

...На отлов Романова агента по недвижимости, имя которому было Валерий Игнатьевич, ушла почти неделя. То его телефоны не отвечали, то были плотно заняты, то Валерий Игнатьевич не мог встретиться: занят был очень.

Тем не менее Алексей упорно вызванивал его, и наконец Валерий Игнатьевич сдался.

Он оказался весьма молодым человеком, отчего обращение по имени-отчеству, которое он навязывал своим клиентам, выглядело напыщенно. Алексей, не любивший любую фальшь, уже ничего хорошего от разговора с ним не ждал – и не ошибся. Глазки Валерия Игнатьевича бежали, словно им обещали премию за скорость, и речи его были уклончивы. Есть такой поразительный сорт людей: вы им задаете конкретный вопрос, а они вам отвечают на совершенно другую тему. О таких существует отличная поговорка: "В огороде бузина, а в Киеве дядька"...

Общение с ним оставило Кисанова с носом: то есть он не сумел сделать никакого вывода о личности человека и не получил от человека никакой внятной информации. Разумеется, это никак не могло служить доказательством его причастности к ограблению. Даже глаза бегают далеко не только у мошенников. По опыту Алексей хорошо знал: неуверенные в себе люди, страдающие кучей комплексов, нередко избегают смотреть на собеседника, отчего их взгляд приобретает бегающий вид; а невнятные ответы свойственны людям, у которых просто нелады с логикой или со вниманием...

Что означало, увы и ах, следующее: что придется детективу устроить за Игнатьичем слежку. А это время и время...

1 октября

Так бы оно и вышло, и провел бы Алексей Ки-санов время в пустых, пустейших хлопотах, если б вскоре не наступил день, который он запомнил навсегда. Самый странный день в его жизни.

Собственно, этот день начался еще глухой ночью и даже довольно смешно. Звонок раздался около трех.

– Алло? Это частный детектив? – завибрировал в его сонном ухе высокий женский голос. – Вы мне срочно нужны!

– Что у вас стряслось? – Кис не удержался и зевнул в трубку.

– Мой муж мне изменяет! Приезжайте ко мне немедленно!

– Прошу прощения, не понял... Если вам уже известно, что муж вам изменяет, то не вижу, чем могу быть полезен...

– Как – чем? Он изменяет мне с другой!

– Я понимаю, что с другой... И чем я могу вам помочь?

– А вы приезжайте ко мне, я буду ему изменять с вами!!!

...Долгих пять минут Кисанов пытался объяснить женщине, что он детектив, сыщик то есть, а не мужчина по вызову ("Вы улавливаете разницу?!"). По их истечении он понял, что дело безнадежно. Дамочка пребывала в истерике и возражений принимать не желала. Впрочем, возможно, она просто была крайне глупа от природы?

Так или иначе, но детектив вынужден был невежливо прервать разговор в одностороннем порядке. На повторный звонок с того же истеричного номера он отреагировал выключением телефона, хотя это было вовсе не в его правилах: изменив всем своим джентльменским наклонностям, он оставил даму без помощи...

А утром того же дня его ждал сюрприз совсем иного рода.

* * *

...Он явился без предварительного звонка. Позвонил снизу в домофон, попросил встречи. Алексею не хотелось сейчас брать новые дела, он должен был сконцентрироваться на поиске грабителя, он не мог себе позволить тратить драгоценное время на другие дела. Но... Но им сейчас позарез нужны были деньги. Лишившись всех своих сбережений, он остался даже без средств на ремонт его квартиры...

Делать нечего, Алексей впустил незнакомца в квартиру, пригласил в кабинет.

...Посетитель безмолвно разглядывал детектива. Кисанов, как у него заведено, не торопил его, предоставляя возможность заговорить первым. Эти первые слова, их интонацию он считал очень важными: они позволяли очертить, хоть и бегло, портрет обратившегося к нему человека.

Но на этот раз молчание непомерно затягивалось, словно посетитель вовсе не собирался открывать рот. На секунду возникло абсурдное ощущение, что на самом деле это он, детектив Кисанов, пришел на прием к незнакомому человеку, но никак не вспомнит, с какой целью, отчего не в состоянии произнести ни слова.

Подобные ощущения были совершенно несвойственны Алексею. Он прекрасно умел молчать, вынуждая собеседника заговорить первым. Но тут, похоже, случилась *борьба молчаний*. И противник его переиграл... «Уж не гипнотизер ли ко мне явился, что меня так перекожежило!» – неприязненно подумал он и произнес ледяным тоном:

– Судя по всему, у вас ко мне нет никакого дела. В таком случае я попросил бы вас не отвлекать меня от работы.

– Вот вы, значит, какой, Алексей Кисанов, – немного растягивая слова, проговорил незнакомец. Он склонил голову набок и спокойно разглядывал детектива. – Пожалуй, вы мне нравитесь.

У него была круглая, коротко стриженная голова с темным ежиком и глаза цвета крепко заваренного чая, причем столь изящного разреза, что им позавидовала бы любая женщина. Рот был пухлым и ярким, словно накрашенным.

Если Алексею не понравилось молчание незнакомца, то еще больше ему не нравилось начало разговора. Он было собрался поставить его на место, как тот широко улыбнулся:

– Нет, не думайте, я не "голубой". Просто у меня дело очень щекотливое, я могу его доверить отнюдь не каждому... Я бы даже сказал, *интимное* дело. Но вы прошли первый отборочный тур. Я готов вас нанять!

– Из чего не следует, что я готов за него взяться.

– Хе-хе... Возьметесь, Алексей Андреевич, куда вы денетесь!

Алексей вскинул брови. Посетитель вел себя нахально, и детектив решил его выставить за дверь незамедлительно.

Однако тот словно догадался.

– Вам очень хочется меня выгнать, да? – Он дружелюбно усмехнулся. – Не стоит торопиться, Алексей Андреевич, а то ведь так можно с водой и ребенка выплеснуть...

При слове "ребенок" Алексей насторожился. Хотя... Посетитель, конечно, знать не может! Просто расхожее выражение – какие глупости в голову лезут...

– Вам ведь деньги сейчас нужны, верно? – продолжал посетитель, и голос его был вкрадчивым. – Остро нужны, я бы даже сказал...

Он смотрел на детектива со странной нежностью и сочувственным пониманием. Чайные глаза переливались от желто-тигриного до шоколадного, их влажная глубина медленно колыхалась, мерцая.

Алексей медлил. Сказанное было слишком двусмысленным. Вернее, даже не двусмысленным, совсем наоборот: посетитель ясно дал понять, что он в курсе ограбления. Это становилось интересным.

– А что вам за дело до моего материального положения? – сухо поинтересовался детектив.

Спрашивать, откуда он знает, не имело смысла. Посетитель явно ведет какую-то игру и на вопрос не ответит. А может, даже ждет этого вопроса? Ну, так он его не дожидется.

– Ну как же, все очень просто: я могу вам помочь. Я хорошо заплачу вам, если возьметесь за мое дело. Очень хорошо.

Кисанов молчал. Он уже начал догадываться, хотя его предположение казалось столь нелепым, что в него не верилось.

– Неужто вы раздумали покупать новую квартиру, Алексей Андреевич? – почуяв колебания детектива, посетитель явно решил подкинуть дровишек в неуверенное пламя его сомнений.

"Новую квартиру". Он это знает. Догадка при всей своей нелепости становилась все отчетливей. Собственно, не догадка становилась отчетливей – визитер сам неспешно раскрывал карты.

– Или вы сомневаетесь в моей платежеспособности? – Его гость усмехнулся так, словно читал мысли детектива. – Думаю, что пятьсот восемьдесят тысяч долларов вам хватит в качестве гонорара?

Все. Для догадок больше не осталось места. Именно такая сумма находилась в портфеле Алексея в момент ограбления!

Внутри сработала пружина, которая выбросила его из кресла. Он навис над незнакомцем, крепко ухватив его за шиворот одной рукой и занося другую для удара.

– Ой, – заверещал тот, прикрывая голову, – будете грубиянничать – не видать вам денег!!!

Алексей и сам понимал, что следовало бы как минимум услышать побольше, прежде чем руками размахивать. Но все-таки не устоял перед соблазном дать посетителю зуботычину. Легкую, совсем легкую, даже губы не разбил. Ну, самую малость...

– Это ты на меня напал у банка? – глупо спросил он, тряхнув незнакомца за воротник.

– Ну что вы, как можно! – проговорил тот, втягивая голову в плечи и опасливо косясь на детектива. – Я просто совершенно случайно узнал о том, какая беда приключилась с вами, и решил помочь, чисто по-человечески...

Не задавай дурацких вопросов – не получишь дурацкие ответы, мысленно обругал себя детектив. Усилив воли утихомирив бушующую в голове яростную кровь, он вернулся в свое кресло. Посетитель обиженно облизывал губы.

Отхлынувшая от мозга кровь вымыла оттуда, кажется, все мысли. Впрочем, было ли что вымывать? И без того ясно, что этот тип причастен к ограблению, даже если и не самолично. Хотя его телосложение соответствовало расплывчатому показанию свидетеля у банка: "Немаленького роста"...

И теперь этот тип его шантажирует его же собственными деньгами.

Рука рефлекторно легла на телефон.

– На Петровку собрались звонить? – испуганно осведомился посетитель, и Алексей вдруг понял, что испуг он наигрывает, как и минутой раньше, когда детектив занес над ним кулак. Очень уж картинный испуг...

Означает ли он отсутствие страха? Прячется ли за этим наигрышем уверенность?

– Ай-яй-яй, нехорошо с вашей стороны! – частил меж тем посетитель. – Я вам доверился, а вы меня хотите сдать раньше, чем узнаете суть дела! Разве приличные люди так поступают?

– Про приличных людей вам лучше не заикаться. Если я примусь объяснять вам, что это такое, то последствия нравоучительной беседы могут дополнительно украсить ваше лицо.

Алексей все держал руку на трубке.

– Что вы такое говорите, бог с вами! – замахал руками посетитель. – Я же предлагаю вам деньги вернуть! Как честный человек! В обмен на совсем ма-а-аленькую услугу! – Он с сияющим видом свел почти вплотную большой и указательный пальцы левой руки, показывая, какую "ма-а-аленькую" услугу он просит. Игра ему, со всей очевидностью, нравилась.

– Хорошо, слушаю вас, – помедлив, ответил детектив. В конце концов, позвонить он еще успеет. – Какая услуга вам требуется?

Посетитель одарил его солнечной улыбкой и уселся поудобнее в кресле.

– Ну вот, совсем другое дело! А то вы уж было напугали меня своей несговорчивостью!

– Мое время стоит дорого, – холодно сообщил Алексей. – Посему я бы предпочел сразу перейти к сути дела.

– О, конечно! Ваше время драгоценно, я вполне понимаю! А знаете, вы меня потрясли, господин Кисанов. Другой бы уже давно согласился сделать что угодно, лишь бы вернуть деньги. Да какие деньги! Сколько лет копили, а?

– Уважаемый, я, разумеется, как человек трезвомыслящий, хотел бы вернуть украденные вами деньги. Но если вы будете продолжать паясничать, то я выставлю вас за дверь. Пинком. После которого ваша задница будет еще три недели его вспоминать.

– Великолепно! – восхищенно выдохнул посетитель. – Просто великолепно! Какое самовладение! Какое чувство собственного достоинства! Хвалили мне вас, хвалили, признаюсь, но реальность превзошла все мои ожидания!

– Все. Вы мне надоели!

Алексей снова угрожающе встал, всем своим видом демонстрируя, что готов сопроводить посетителя к двери обещанным пинком.

По правде говоря, демонстрация сия была предназначена отнюдь не для того, чтобы этот тип смылся вместе с его деньгами. Нет, теперь детектив его просто так не отпустит! Пока он только пытался навязать свои правила игры незнакомцу, одновременно зондируя мутные глубины его страха, который, по убеждению Алексея, обязательно должен был прятаться под наигрышем.

Но тот и не подумал подняться, наоборот, закинул ногу на ногу, а руки за голову, рассматривая детектива так, словно любовался прекрасно выполненной скульптурой. Глаза его искрились, как желтая от цветов, насыщенная солнцем поляна, на которой роились золотистые осы и бархатно-коричневые шмели.

– Мы бедные, но гордые, да? Что ж, это похвально! Но не разумно. Вот прогоните меня – и без квартиры останетесь. Сколько еще лет вам понадобится, чтобы скопить такую сумму, а, Алексей Андреич? Вы же не олигарх какой, государство не обворовывали... Все трудовым потом заработали. Подумайте еще разочек, прошу вас!

– Последнее предупреждение: либо вы прекращаете валять дурака, либо...

– Какой горячий, джигит прямо! У вас в родословной нет арабских кровей? Или хотя бы грузинских? Нет? Ну ладно, ладно! В конце концов, какая разница... Все, все, к делу! Вы только сядьте, а то не люблю я, когда надо мной нависают!

В его словах, в интонации речи звучала какая-то простодушная наглость. Алексей никак не мог определить, что за ней стояло. А это было важно. У этого типа, сомнений нет, находились их с Александрой деньги, и их необходимо вернуть. Как? На испуг его взять пока не удалось. Да и то: ведь он сам явился к детективу! Не побоялся. Это о чем-то говорило...

Поколебавшись, Алексей вернулся на место. Надо все же узнать, что у этого мерзавца на уме.

– А нельзя ли мне чашечку кофе? – спросил незнакомец. – В приличных заведениях клиентам кофе подают. У вас ведь приличное?

Фигляр. Ваньку валяешь, гад? Ладно, давай валяй. Посмотрим, куда это тебя приведет... Детектив нажал на кнопку. В комнату вошел парень – крепкий парень, спортзал явно с ним дружен. После смерти Юли² Алексей поклялся себе больше секретарш не заводить. Но работа того требовала, и он все-таки решился завести, только на этот раз *секретаря*. Да причем мускулистого, владеющего приемами карате и кунг-фу. В конце концов, и Ване надо было готовить замену – ассистент хоть и редко, но ему требовался...

– Игорь, кофе, пожалуйста.

– Вам в турке или эспresso?

– Вот это сервис! – хохотнул посетитель. – В турке. А вы что же, Алексей Андреич, мне компанию не составите?

– Нет.

– Ну ладно... Буду пить в одиночестве... И сахарку, пожалуйста. Может, у вас и бисквиты найдутся? Печеньице какое-нибудь? Грешен, люблю сладкое...

Алексей подумал вдруг, что незнакомец нарочно старается вывести его из себя. То есть не просто "ваньку валяет", а играет с ним в какую-то игру, имеющую цель... Которой наслаждается, в самом деле наслаждается! И какова же цель этой игры? Детективу даже стало интересно.

"Ну-ну, давай поиграем, – подумал он плотоядно. – Посмотрим, кто кого!"

– Игорь, прихвати печенье, какое там у нас есть! – крикнул он в оставленную нараспашку дверь. – Теперь у нас в программе что? – перевел он глаза на незнакомца. – Какой еще предлог найдете, чтобы потянуть время? Что дверь открыта и вы не можете говорить об "интимном", как вы изволили выразиться?

– Вы потрясающе, потрясающе догадливы! – Человек даже ручки потер от удовольствия.

² См. роман Татьяны Гармаш-Роффе «Роль грешницы на бис», издательство «Эксмо».

– А если я закрою ее?

– Так ведь ваш секретарь сейчас вернется, и мне придется замолкнуть, а я, знаете ли, страшно не люблю, когда меня перебивают...

– Интересно, зачем вы тянете время? Какой вам прок от этого?

– Удовольствие! Удовольствие, уважаемый... От общения с таким замечательным человеком, как вы!

Игорь вернулся с чашкой кофе и тарелкой каких-то затейливых импортных бисквитов. Аккуратно закрыл за собой дверь, выходя. Наступила тишина. Кис поклялся себе, что не нарушит ее первым.

Однако на этот раз она длилась совсем недолго.

– Дело в том, что я маньяк, – сообщил посетитель, обмакивая бисквит в кофе. – Я женщин убиваю. Исключительно женщин, с мужчинами иметь дела не люблю, они неэстетичны... То ли дело женщины! Какое наслаждение чувствовать под руками нежное, хрупкое горло... Вот я убиваю и убиваю, и все никак не могу остановиться, такое несчастье, – лучезарно улыбнулся он, отправляя бисквит в рот.

Детектив с трудом удержал мышцы лица на положенном месте, чтобы они не выдали его изумление. Услышать *такое* он никак не предполагал. Никак!

Хотя... Скорей всего, это лишь следующий акт его спектакля. Бред, которым этот странный тип донимает детектива с самого начала. Вот только с какой целью, до сих пор непонятно...

– И что же, много наубивали? – с иронией спросил Алексей.

– Двенадцать... Вот думаю теперь, убить тринадцатую или нет?

– И вы ко мне пришли с этим вопросом? Чтобы я дал вам совет?

Алексей принял беспечный тон собеседника и улыбался, поглядывая на него.

– А что это вы так улыбаетесь, господин детектив? Ничего веселого в том, что я женщин убиваю, нет!

– Да я все жду, пока вы о деле заговорите. А вы мне все впариваете чушь всякую.

– Бенедикт.

– Что – "Бенедикт"?

– Это я представился. А то нехорошо получается, я вас по имени, а вы меня третируете невежливо, "вы" да "вы", – нет бы по-человечески обратиться!

Алексей посмотрел на него внимательно. Чайные глаза смеялись, плескали желтым и шоколадным. Он шутит. Конечно, шутит. Прикидывается то ли дураком, то ли сумасшедшим...

– Странное имя.

– Чем же это? – обиженно произнес посетитель. – Имя замечательное, означает "благословенный"... А я и в самом деле благословенный. А то как бы иначе вышло, что я двенадцать убийств совершил, а сижу тут у вас в креслице, а не в камере?

– Действительно, как же так вышло?

– Милиция наша родимая работает из рук вон плохо, вам ли не знать! Одного маньяка отловили давеча, да и то случайно! А уж на что грубо мой коллега работал, на что примитивно!

– Вы, стало быть, работаете тонко?

– Так лучшее доказательство в том, что я сижу перед вами!

– И при этом вы убили двенадцать женщин?

– Ну, а о чем я вам толкую?

– Допустим... И чего вы хотите от меня?

– Чтобы вы меня остановили!

– Это не по адресу. Вам к психиатру.

– Неужто позволите, чтобы ваши кровные денежки попали в чужие руки?

Алексей все никак не мог определиться в своем отношении к услышанному. Верить ему? Или он несет чушь, морочит голову детективу, преследуя какую-то иную цель?

– Еще раз: чего вы хотите от меня?

– Чтобы вы меня остановили, – охотно повторил Бенедикт. Впрочем, его имени детектив так же мало верил, как и его истории. – Я устал убивать... Я часто сам себе противен, поверите ли... Я воспитанный мальчик из хорошей семьи и знаю, что убивать нехорошо-с! Я устал, Алексей Андреевич, бороться с собой! Если вы меня не остановите, я снова убью. Какой соблазн: тринадцатое убийство, чертова дюжина! Это как почетная медаль!

– И как, по-вашему, я должен вас остановить?

– Раскрыть мои преступления и отдать меня в руки правосудия!

– Так пойдите в милицию и напишите чистосердечное признание!

– Фи... Как примитивно... Я выиграл у милиции двенадцать раз, неужто вы думаете, что я вот так принесу им на блюдечке разгадку?! Сейчас, когда я хожу в победителях? Пойти и сдаться?

– Ну, остановитесь сами. Раз знаете, что это нехорошо.

– Не могу. Неужели это так трудно понять? – Его лицо приобрело выражение обиженного ребенка, который не может добиться от родителей внимания. – Вот, например: вижу, что вы курите. Представьте теперь, что вы решили бросить. Собственно, так оно и случится вскорости: в квартире, где будет жить ребенок, не должно быть накурено, верно?

Алексей едва заметно вздрогнул. Не подвела его интуиция еще при первой фразе незнакомца о "выплеснутом с водой ребенке"! Не зря он сразу так напрягся, ох не зря... Посетитель и об этом ЗНАЛ, а вовсе не обронил поговорку случайно...

– Так что в ближайшее время вам придется бросать курить, – продолжал Бенедикт. – И что вы сделаете, чтобы устоять перед соблазном? Вы спрячете с глаз долой все сигареты! А то и спустите в мусоропровод. Или друзьям курящим раздадите... Верно ведь? И отнюдь не потому, что у вас нет силы воли. Дело совсем в другом... Держать постоянно в голове мысль, что курить плохо, – это *очень утомительно*. «Мышца» мозговая расслабляется, как непроизвольно расслабляется в какой-то момент рука, держащая ручку... И тогда мысль про «нехорошо» рассеивается, и вы бессознательно тянетесь к пачке... И, глядь, вы уже дымите сигаретой... Проще убрать их с глаз долой, не так ли? Теперь вам будет понятней, если я повторю: мысль о «нехорошо» меня дико утомляет. В какой-то момент она перестает иметь силу и больше не может сопротивляться желанию. И я иду убивать. Поэтому от меня нужно убрать пачку сигарет, лишить возможности курить... Иными словами, меня надо остановить, лишив возможности убивать. Вычислите меня, Алексей Андреевич! Вычислите и сдайте милиции!

– Почему – я?

– Вы хороший партнер. С вами интересно поиграть. Говорят, вы раскрываете все преступления?

– Говорят, – сдержанно ответил Алексей.

– Вот видите! Это будет настоящая игра! И ставка у нее... Точнее, у нее две ставки: с одной стороны, ваша квартира, а с другой – ваша совесть. Проще говоря, если вы сумеете выполнить мой заказ, то вернете себе денежки на квартиру. А если не раскроете мои двенадцать убийств – будет тринадцатое. На вашей совести, господин Кисанов! Я вам даю месяц. Это ведь немало, а? Целый месяц! А раскроете – денежки свои обратно получите. И чистую совесть. Щедрая плата, вы согласны?

– Вам не приходило в голову, что я в милицию сообщу? Я ведь обязан, знаете ли!

– А вы не сообщайте. Во-первых, бесполезно: сам я не признаюсь, а улики против меня у них нет и не будет, вот разве только вы их найдете. А во-вторых, я прошу вас подождать всего лишь месяц. Который я вам даю на раскрытие моих преступлений! Обещаю, что в этот

месяц я не сбегу и никого не убью. Так что общество не пострадает от маленькой отсрочки, а вы существенно выиграете. Идет?

Алексею не хотелось соглашаться. Он смотрел на Бенедикта и взвешивал, что лучше: позвонить прямо сейчас Сереге и сдать этого психа или все же принять брошенный ему вызов?

Выбор был трудным, тем более что Алексей никак не мог решить, правду ли сказал посетитель или дурака валяет.

– Ну что вы на меня букой смотрите? Ну, нет у вас выбора, нету! Не можете же вы сейчас позвонить Сергею Громову, другу вашего детства и отрочества, а также более поздних периодов вашей жизни, и сказать: у меня в кабинете тут один сумасшедший, утверждает, что убил двенадцать женщин, – приезжай, дружище, арестуй его!

Алексей вздрогнул. Этот негодяй просто читал мысли детектива. К тому же он был фантастически хорошо осведомлен...

– Ведь дружище вас спросит: а кого он убил-то? Каких таких женщин? – продолжал Бенедикт. – А вы и не знаете! Вот опростоволоситесь!

– Дружище и без меня обойдется. Он умеет добывать ответы на свои задушевные вопросы.

– Фи, как некрасиво... Неужто бить будут?

– Милиция наша, сами знаете, насквозь прогнила, скурвилась и ссобачилась. Побьют как пить дать, у ребят не застоится.

– А я не признаюсь! Мне, может, помереть охота! Надоело все, приелось, даже убийства уже не будоражат кровь, как ранее... Да пусть хоть насмерть забьют! Мне только лучше! Но вы, вы, уважаемый, денежек лишитесь своих, это уж не обессудьте. И, что характерно, если они меня до смерти не забьют, то будут вынуждены отпустить за отсутствием простейшего состава преступления, – я же буду кричать, что пошутил неудачно, что у меня справка из психдиспансера... У меня правда справка есть, показать вам? Вот смотрите, Алексей Андреич, всамделишная справка... – Он помахал перед носом детектива какой-то бумажкой, к которой Кисанов не счел нужным проявлять любопытство. – Так отпустят они меня, родимые, а я рраз, и снова убью! Ну, хорошо это разве, по-вашему? А вот вам еще вариант для размышления: я лицо подставное. Подошел ко мне мужик на улице, денег дал, к вам отправил, проинструктировал, чего сказать. Я и пришел. А кого мужик убил и убил ли, я и знать не знаю. Хоть забьют меня, а не выбьют ничего. Потому что я просто НЕ ЗНАЮ. Как вам такая мысль?

Пожалуй, впервые в жизни Алексей чувствовал себя не в своей тарелке. Он до сих пор не мог определить, с кем имеет дело. Маньяк? Сумасшедший? Шутник? Но украденные деньги... Это никак не было шуткой. Бенедикт знал о детективе все: и что ребенка они с Сашей ждали, и что квартиру намеревались купить, и дату закладки суммы в сейф, и адрес банка... И раз это не шутка, то, выходит, перед ним сумасшедший? Умный и хитрый, но сумасшедший? Или перед ним действительно маньяк?!

– А тот мужик, который меня нанял, – продолжал Бенедикт, – он в вашем дворе притаился. И сейчас смотрит на ваши окна, ждет от меня знака!

С этими словами Бенедикт подошел к окну и помахал в него, словно и впрямь за ним кто-то наблюдал.

– Теперь представьте: вот позовете вы сейчас ваших коллег, они меня задержат, выволокут из подъезда да в казенную машину посадят... А он, он все увидит. И он просил вас передать: если дело повернется таким нехорошим образом, то не видать вам квартирки. Ни денежек.

Ловко обставлено. Что любопытно, его слова могли оказаться правдой. И в таком случае все высокое искусство бывших милицейских коллег добывать чистосердечное признание действительно ничему не послужит...

Кем бы он ни был, этот Бенедикт, он продуманно шантажировал детектива, придется это признать. Но одновременно он провоцировал сыщицкое самолюбие, он бросал детективу вызов! Профессиональный вызов – проверка на сообразительность, на способность к логике, на качество интуиции. И Алексей чувствовал, что вызов примет, – он уже слышал тихий звон шпор. "Кис в сапогах", так обозначал Ванька его сыщицкий раж, когда семимильные сапоги сами несли в погоню. Он был азартен, детектив Кисанов...

– Вижу огонек в ваших глазах, вижу! Ах, какой огонек, какой задор! Я просто наслаждаюсь... Вы охотник – такой же охотник, как и я! Держу пари, что вы согласитесь! Не волнуйтесь, я вам помогу, я вам дам подсказки, чтоб было с чего начать... Так по рукам? Ах, извините, я неверно выразился: такие хорошие юноши, как вы, не подают руки таким плохим мальчикам, как я! – Он засмеялся, обнажив прекрасные белые зубы.

Плохому мальчику было никак не меньше сорока.

– Только у вас месяц, один месяц, не забудьте! Я не случайно пришел к вам первого октября, нарочно выждал, чтобы считать было легче: до тридцать первого! Тридцать дней на поиски, а вот тридцать первого прощу в гости...

Похоже, что озвучивать согласие не требовалось: Бенедикт счел в одностороннем порядке, что он его получил.

– Да, так месяц уже пошел, Алексей Андреевич. – Его лицо вдруг сделалось озабоченно-хлопотливым, словно он сильно переживал за Кисанова. – Кстати, вот вам на расходы на первое время! Здесь десять тысяч. Через две недели я вам пришлю еще столько же – мало ли, вдруг расходов будет много! А остальные... Пятьсот восемьдесят минус двадцать... Остальные пятьсот шестьдесят, как договорились: когда мои преступления раскроете! Если раскроете, конечно. – Он широко улыбнулся. – И вот еще что... У вас репутация честного человека... Заслуженная, я полагаю. У меня есть одно условие: мы играем один на один, по-честному. Милицию не привлекать, за мной не следить! Иначе контракт будет считаться немедленно разорванным. Последствия вам известны: тринадцатая жертва и потерянная квартира. Ну, я пошел! Удачи вам!

Он встал и направился к двери. На пороге обернулся и расплылся в ласковой улыбке.

– Чуть не забыл! Я ведь обещал вам помочь! Записывайте: *я убил двенадцать женщин за двенадцать месяцев*. Место действия – Москва. Отсчет начинайте с июля – в августе я уже был сильно увлечен вами, Алексей Андреевич... Настолько сильно, что даже никого не убил, представляете? Да, и имейте в виду: почерк у меня разный, я человек изобретательный... Единственный общий признак – вы же знаете, у маньяков непременно есть что-то общее в преступлениях, это же *серийные* убийцы, верно? Так вот, общая черта в том, что я убиваю *только замужних женщин*!

С этими словами он покинул кабинет. Алексей испытал странное облегчение, словно в комнате стало просторнее, светлее... Но тут же навалились сомнения. Гнетущее чувство совершенной ошибки. Ощущение фарса.

Правильно ли он сделал, что принял вызов, отпустил Бенедикта? Что не позвал на помощь Серегу? У ребят есть масса эффективных методов для "следствия". Арестовали бы на пятнадцать суток "за хулиганство", а там сказками-ласками, угрозами и наездами, блефом и задушевыми откровениями с подсаженным сокамерником все бы вывели...

С другой стороны, Бенедикт рискнул явиться лично. А ведь он мог написать детективу по электронной почте, адрес указан на сайте в Интернете... Или, если он не владеет компьютером, – так существует обычная почта. На худой конец – телефон.

Но он пришел сам. Понимал ли, что рискует? О, конечно, да! Если судить по организации ограбления, по всему его хитроумному замыслу, то соображает он преотлично. И все же он самолично явился. Не побоялся. Значит, он очень уверен в себе! И имеет на то резоны, надо полагать...

...Кроме того, отдать его милиции означало бы упустить контроль из рук. Пульт управления процессом розыска. А на это Алексей никак не мог пойти. Это его клиент! Его личный грабитель, шантажист и маньяк, который бросил ему лично вызов...

Он снова перебрал в уме недавний разговор. И снова пришел к выводу, что на розыгрыш это никак не тянуло: слишком затратно. И бессмысленно. Он долго выслеживал детектива, скрупулезно собирал о нем информацию, устроил нападение с ограблением, – и для чего бы это, если не ради сделки: *остановите меня, и я верну ваши деньги!*

А это ведь последняя степень отчаяния...

И все же Алексея мучило ощущение фарса, розыгрыша.

Он поднялся, подошел к окну. Видел, как Бенедикт вышел из подъезда. Тот поднял голову, заметил детектива в окне и послал ему воздушный поцелуй, приложив два пальца к губам. Алексей посмотрел без улыбки на его стриженую голову, на яркое пятно рта и отошел от окна.

Он понял, отчего в его ощущениях такой разброд: Бенедикт паясничал, клоунствовал. Вот откуда чувство нереальности, фальши. Но при этом он сказал правду. Просто у этого действия не могло быть иной причины. Во всяком случае, детектив ее не видел.

Тогда его фиглярство – всего лишь маска... Или он и впрямь подставное лицо? Донесшее послание настоящего маньяка до сыщика? Потому и клоунствовал, что не его это чувства, не его отчаяние?

Алексей никогда не сталкивался с маньяками и представлял себе их весьма поверхностно. Но ясно, что это люди с серьезными отклонениями, отчего и поведение их нельзя оценивать по общим меркам...

Он все-таки позвонил Сереге. Не за помощью, нет, – проинформировать. Дружбан бы не простил, если бы Кис умолчал о новом и неожиданном повороте дела с ограблением.

– Отдай его мне! – как и ожидал Алексей, завопил Серега. – Маньяк или паяц, мы быстро из него кишки вытащим! Вместе с твоими деньгами!

– Нет.

– Кис, ты теряешь квалификацию! Ты поддаешься шантажу! Ведь каждое последнее дерьмо будет настаивать, чтобы в милицию не сообщали! Ты же знаешь, что это блеф!

– Дело не в этом. Просто я сам должен.

Серега еще что-то говорил, но Алексей слушать не стал, повесил трубку. Ничего, дружбан погорячится и остынет. Не впервой.

Он вставил компакт-диск в компьютер, открыл базу данных – пиратскую, купленную на рынке. Оказалось, что в Москве проживают всего 16 человек с именем Бенедикт (иностранцы не в счет). Большинство московских Бенедиктов родились еще до войны, но во всех случаях ни один не подходил по возрасту на роль посетителя. Впрочем, Алексей с самого начала был уверен, что имя вымышленное, так что нечего и время терять. Игорь прокричал с кухни:

– Алексей Андреевич! Вам приготовить что-нибудь? Кофе, чай?

«Алексей Андреевич». Ванька называл его по-свойски, на «ты», и даже непочтительно подхватил прозвище, данное друзьями: «Кис».

Игорь же был почтительный. Исполнительный, аккуратный и немногословный. Он никогда не станет ему другом, как Ванек... Да и то, с Ваней они прожили бок о бок несколько лет – пацан снимал комнату у детектива в обмен на непыльную работенку. Теперь вот съедет скоро, любовь у него... А Игорь проходящий. За зарплату. И не ассистент он, как Ванька, а секретарь...

Пожалуй, это к лучшему. У них с Сашей скоро будет ребенок... Человек, которому он станет самым большим другом.

– Кофейку сделай, – откликнулся Кис. – Эспрессо!

Рассказать Игорю? Он работал у детектива всего два месяца и еще ни разу не был испробован в деле. Так, возился с компьютером, собирая разрозненные документы в папки или исследуя Интернет. Ну и гостей встречал-проводил, кофе приносил, на звонки отвечал – это понятно, секретарь ведь... Интересно, способен ли он дельную мысль подать? Надо будет проверить...

Но не сейчас. Сейчас Алексей должен подумать сам.

Итак, думаем. Во-первых, все прежние заходы вокруг семьи Романа, продавца квартиры, можно перечеркнуть. Они не могли знать о ребенке. И о Сереге не могли.

...Один только нюанс. Серега не был другом детства. Подружились они на Петровке, в сыщицкой работе. Впрочем, на Петровке с Алексеем так работал друг детства, Коля Кулик, – да он и сейчас там служит. Но прежней дружбы между ними давно нет. Не ссорились, ничего не делили – просто пропал интерес, так бывает. А Бенедикт ошибся, у него неточная информация... Но это и впрямь нюанс, никакой от него прибыли не имеется.

Откуда наклеывается и "во-вторых": у Бенедикта другой источник. И очень близкий к детективу.

О беременности Саши знало совсем немного людей: помимо самого Алексея и Александры, – ее родители, сестра... Еще Ванька, Серега и парочка близких друзей.

Об их намерении купить новую квартиру знал примерно тот же круг.

Да, и Игорь, конечно! Ему Алексей, натурально, сам не докладывал, не те у них отношения, – но парень наверняка слышал его телефонные разговоры, равно как домашние обсуждения с Ванькой...

Далее, о дате похода в банк знало еще меньше людей. И ни один из них не стал бы трепаться об этом с посторонними. Кис ни в ком из этого узкого круга не сомневался.

За вычитанием оставался Игорь...

Алексей еще раз мысленно пробежался по всем пунктам: да, Игорь знал обо всем.

О-бо всем.

А что знает Алексей об Игоре? Вроде недоучившийся студент какого-то никому не нужного института... То есть он не знает об Игоре ничего.

Ни-че-го.

Эта мысль огрела его, как сварливая жена сковородкой по голове. Алексей вскочил с кресла, не сразу поняв зачем, и тотчас поймал себя на желании идти немедленно выяснять отношения с секретарем.

Идиот. Сядь, охолонь трошки! Выяснять надо было, когда парня на работу брал, – тоже мне детектив! А теперь поздно, проехали. Теперь успокойся и думай. Причем желательно головой.

Парень мог сболтнуть случайно, без всякой задней мысли, кому-то из знакомых, но мог и оказаться замешан в ограблении напрямую в качестве сообщника... Алексей, разумеется, спрашивал Игоря, не говорил ли кому о дате закладки денег в сейф. Секретарь, помнится, обиженно ответил, что он не трепло... Соврал?

Выходило три варианта:

Если он сообщник, то, конечно же, соврал.

Если он ни сном ни духом не причастен, то не соврал.

А если он просто сболтнул, а теперь стыдно признаться? Тогда тоже соврал...

Узнать, какой вариант правильный, возможности нет. Но попробовать надо.

Игорь как раз подоспел с чашкой кофе.

– Присядь, – предложил ему Алексей. – Скажи, у тебя есть близкий друг или девушка, к примеру, которому ты рассказываешь о своих делах?

– Конечно.

Какие у него яркие голубые глаза! Надо же, за два месяца Алексей не удосужился это заметить!

– И, надо думать, ты рассказываешь также и обо мне? Это естественно, люди всегда рассказывают о своей работе и своем начальнике... – улыбнулся Кис, желая показать, что в этом нет ничего плохого.

– Ну, в какой-то мере... – осторожно ответил Игорь и метнул в детектива вопрошающий взгляд: – Что-то случилось, Алексей Андреевич?

– Пока ничего... Ты когда-нибудь раньше видел сегодняшнего посетителя?

– Нет... А все-таки, почему вы спрашиваете?

– Он удивительно много знает обо мне. Информация могла дойти до него только через близких мне людей, как ты понимаешь. Собрать ее не так сложно, если крутиться вокруг них... Или вокруг тебя, к примеру.

– Он мог просто следить за вами!

– Мог. Но ему известно, что Александра ждет ребенка. А у нее пока живот даже не намечается. Слежкой такого не вынюхаешь. Это человек, который слышал разговоры. Либо мои, либо близких ко мне людей. И информацию он либо сам собрал, либо купил у кого-то...

– И вы думаете, что это я? Продал ему информацию?!

– Не кипятись. Я всего лишь задал вопрос. Ответь на него, пожалуйста.

Игорь отвел глаза к окну.

– Ну, я говорил о вас... Приятелю одному, девушке одной и папе.

– У тебя с папой близкие отношения? Доверительные?

– Да. С девушкой тоже, и с другом тоже, – с вызовом объявил Игорь.

– Нам случается ошибаться в людях... Только это обычно поздно выясняется, увы. Теперь вспомни, что именно ты рассказывал. Меня интересуют следующие пункты: покупка новой квартиры, беременность Александры и наличие у меня друга по имени Сергей, который служит на Петровке.

Игорь задумался. Алексей понимал, что на его месте и сам бы задумался – припоминал, перепроверял... Но эта пауза также давала парню возможность обдумать, как получше соврать. И потому Алексей заранее не верил ответу своего секретаря.

– Говорил... Всем троим... – виновато ответил Игорь. – О вас, о покупке квартиры говорил, о том, что ребенка ждете... Но о друге вашем с Петровки – нет! Повода не было...

Ну что ж, на его месте Алексей ответил бы точно так же.

Если бы хотел соврать.

И если бы это было правдой.

Мог ли Бенедикт (или тот, кто за ним стоял, – неважно, Алексей решил называть его так) собрать информацию по круплицам? Несколько байт информации от коллег Александры, несколько байт от друзей Вани, Игоря, Сереги, других знакомых?

Маловероятно. Для этого он должен быть вхож во все эти столь разные круги... Нет, он воспользовался одним источником. Одним-единственным.

Но Игорь слишком близок к детективу. На него падает (уже упало) первое же подозрение. Взять сейчас парня хорошенько за шкирку да хорошенько потряхнуть – он расколется. Если есть в чем колоться, разумеется. Представлял ли это маньяк? Ведома ли ему обычная человеческая логика – или он видит мир перевернутым?

О да, конечно же, представлял! Он весьма виртуозно загнал Алексея в капкан, вынудил заниматься его делом, весьма! Это говорит не только о понимании обычной логики, но и о понимании психологии...

А все же, кто к нему явился? Сам маньяк или его сообщник?

Хотя нет, слово "сообщник" не годится... У маньяков сообщников не бывает: они действуют в одиночку. Здесь может быть только тот вариант, который подкинул детективу Бенедикт: маньяк его нанял. Просто нанял на отдельное поручение – на визит к детективу...

С другой стороны, зачем ему нанимать кого-то? Почему не явиться самому? Он – публичное лицо и опасается, что его узнают? Что-то сомнительно...

Так кто же приходил к Алексею? Убийца или актер, нанятый на роль убийцы?

Кисанов, теряясь в догадках, позвонил Вере³.

...Когда-то она была его клиенткой в одном дрянном деле, и с тех пор они остались на связи. Хотя правильней было бы сказать: остались друзьями. Но почему-то считается, что друзья – это те, с кем ты тусуешься чуть не каждый день. С кем регулярно болтаешь обо всем и ни о чем, жадно насыщаясь чужой энергетикой и щедро расплескивая свою, делясь по ходу трепа интимными секретами.

Алексей давно вышел из возраста той изумительной незанятости, когда легко находится свободный вечерок для посиделок в компании. Он настолько вышел из данного возраста, что теперь никак не мог взять в толк: и откуда такая прорва свободного времени была? А уж если бы кто посмел нынче спросить о его интимной жизни, так он просто бы в морду дал...

С возрастом оказалось, что "дружить" и "иметь друзей" – суть понятия довольно разные. Первое соотносилось с процессом регулярного общения. Второе – с уникальными и драгоценными человеческими отношениями.

Вера принадлежала к последней категории. Виделись они нечасто и обычно по делу, но оба знали: можно позвать с любой проблемой и в любое время суток. И теперь Алексей нуждался в ее совете – совете друга, специалиста и просто умного человека. Она входила в тот узкий круг людей, которых Алексей оповестил об ожидаемом ребенке и пригласил на свадьбу.

Теперь оставалось рассказать ей неприятную часть истории: об ограблении и визите Бенедикта. Но он знал, что *ей* он расскажет без малейшего напряжения: Вера была не просто другом – она была профессиональным психологом. Таким психологом, который не только по книжкам знает, но и великолепно *чувствует* людей. Вот почему ее мнение было крайне важно для Алексея.

...Она приехала три часа спустя, как только освободилась. Выслушав детектива, заметила:

– Но я ведь не специалист по криминалу, а тем более по серийным убийцам...

– Вера, я не могу привлечь сейчас посторонних людей. Я бы хотел, чтобы эта история получила как можно меньшую огласку... Давай пока попробуем разобраться своими силами?

Она, разумеется, согласилась, – иначе и быть не могло! – и Алексей включил запись с камеры видеонаблюдения, которую он недавно установил в своем кабинете. На экране возникло лицо с глазами чайного цвета и пухлым ртом. Смена выражений, необычные ужимки, движения капризных и чувственных губ, витиеватые речи...

Он скосил глаза на Веру. Она смотрела на экран словно завороченная.

Запись, занявшая около сорока минут, закончилась.

– Что скажешь? – спросил Алексей.

– Как жалко, что я не присутствовала при вашем разговоре...

Алексей усмехнулся. Он понимал: в ней разыгрался профессиональный азарт. И сейчас она жалела об упущенной возможности рассмотреть поближе редкий экземпляр. Наверно, помимо прочего, это тоже роднило их: *увлеченность*.

– Ну, давай! – Алексей поудобнее устроился в кресле, приготовившись слушать комментарии Веры. Она действительно не была специалистом по криминальной психологии и тем более по серийникам, но детектив не сомневался: ей есть что сказать.

³ См. роман Татьяны Гармаш-Роффе «Шалости нечистой силы», издательство «Эксмо».

– Ну, во-первых... Насколько мне известно, желание разоблачения нередко свойственно убийцам, особенно серийным. Обычно их подталкивает к этому один из двух мотивов или оба сразу... Первый заключается в желании признания. Серийный убийца – это не просто сдвинутый тип, но и игрок. И ему потребна оценка – высокая, разумеется – его таланта игрока!

– А говоришь, что ничего о маньяках не знаешь!

– Это поверхностные знания, Алексей...

– Но точные?

– Точные, – улыбнулась Вера.

Она была удивительным... Удивительной... Кис не знал, как лучше сказать: удивительным человеком или удивительной женщиной? Улыбка не часто озаряла ее лицо, посторонним она могла легко показаться суховатой, холодной и даже высокомерной, но зато, когда она улыбалась... Улыбка как праздник – так для себя определил Алексей. Она действительно *озаряла* – не только ее, но и окружающих.

– То есть маньяк – тщеславен?

– Можно сказать и так. Род мутации комплекса нереализованности. Убивая, он играет с сыском. Он бросает ему вызов: а ну-ка, разоблачи меня! И в этом вызове он изобретателен – он потрясающе хороший психолог и логик.

– Я горжусь: ты подтвердила мои дилетантские догадки!

– Я тоже дилетант...

– Не скромничай. Давай дальше.

– В этом плане маньяк хочет признания как талантливый игрок. Ну, как шахматист, к примеру. Он делает ходы и предоставляет ход партнеру. Для маньяка таким партнером являются органы сыска, разумеется. Но если они не сумели ухватить его след, то он испытывает разочарование. О нем ничего не узнали!

– Стало быть, не оценили его таланты?

– Да, примерно так. Откуда и подсознательная тяга к разоблачению: для него это как выход режиссера на сцену по окончании спектакля – вот он я, автор этого действия!

– Ладно, понял. Давай "во-вторых".

– А во-вторых, многие – не все, но таких немало – серийные убийцы *знают, что совершают зло*. И это их мучит. Пусть тебе не покажется мое сравнение циничным... Но это примерно как женщина, которая набирает лишний вес, но не в состоянии отказать себе в удовольствии. И, отправляя очередное пирожное в рот, она одновременно понимает, что делает нечто *неправильное*. Отчего страдает.

– У маньяка есть система ценностей?!

– Это зависит от полученного воспитания. Изначальных понятий, воспринятых в детстве: логарифмической линейки "хорошо – плохо". Тот, кто получил эту простейшую парадигму ценностей, – тот в состоянии дать оценку своим поступкам.

– Стало быть, если Бенедикт... Имя вымышленное, я уверен, но назовем его так... Если Бенедикт получил первоначальные понятия добра и зла в детстве, то он знает, что убивать не есть благое дело... Так? И его мучит совесть? Настолько, что ему хочется остановиться?

– Он чувствует себя изгоем... Но не потому, что он убийца. Наоборот: он убивает, потому что чувствует себя изгоем... Нам всем нужна любовь других людей. Всем без исключения – человеческое существо устроено так от природы. Любовь – это род энергии, без которой человек не может нормально существовать, как не может существовать живое без солнечной энергии. Проблема же в том, что все хотят ее получать и мало кто умеет ее отдавать... Следовательно, возникает дефицит любви. Сталкиваясь с ним, с недостатком любви к себе, люди ведут себя по-разному. Одни ее добиваются, стараясь сделаться в чем-то лучше, гибче, красивее, наконец... Иными словами, они пытаются любовь *заслужить*. Другие пытаются взять любовь силой. Я вовсе не насильников имею в виду, им ведь не чувства нужны... Тут другие умельцы

действуют. Способы изъятия фондов чувств столь же многообразны и нечестны, как способы изъятия денежных фондов... Эти люди обычно обладают неимоверным умением работать на публику, и пасутся они в тех сферах, где можно собрать перед собой большую аудиторию. Таких немало среди политиков, звезд шоу-бизнеса, а особенно яркий пример – всякие гуру сект и учений... Ну и третий способ – это не попытка добыть любовь, а месть за то, что ее нет. Это означает, что человек изначально поставил крест на возможности быть любимым. И убивает – мстит за это другим. Это действительно последняя степень отчаяния, Алексей...

– Откуда? Испорченный ген? Душевная драма, предательство?

– Все вместе. Испорченный ген делает человека крайне слабым, малодушным. Эгоистичным и ленивым. Продолжим сравнение с деньгами: обычно люди их зарабатывают своим трудом. Но даже нечестные деньги – кража, мошенничество – требуют труда, хоть и особенного, направленного на то, чтобы обмануть всех. Это соотносится с двумя первыми случаями, когда любовь стараются заслужить, то есть добывают ее собственным трудом, и когда ее выманивают нечестным путем, как мошенники деньги. Но есть и третий: когда человек ленив, неприспособлен, неизобретателен и так далее. И мстит всем без разбору за то, что обделен. Как мстить, это уже дело техники и склонности. Кто-то доносы строчит на более успешных, кто-то нож воткнет в случайного прохожего за то, что сигареты не оказалось...

– Но при этом они не маньяки. Просто подонки.

– Но и деньги – это не любовь. Без денег жить плоховато, но можно. Без любви – нельзя. Как без солнца.

– Вера, неужели испорченный ген, из-за которого становятся маньяками, – это лень и эгоизм? Тогда мы все маньяки, извини.

– Нет, конечно, – улыбнулась Вера. – Я просто немножко увлеклась. Это личностные характеристики маньяка, которые психиатрия может дать ему извне, путем анализа. Сам себя маньяк таковым не видит. Этот испорченный ген до сих остается загадкой. Да и ген ли повинен? Как бы то ни было, психику такого человека перекалывает, причем так сильно, что его недолюбленное "я" словно кричит от боли, как один большой ожог...

– И он мстит другим за свою боль?

– В принципе, да. Но на самом деле все это сложнее... Это не только месть, но и род реванша. Маньяк получает власть над жертвой. А ведь и в нормальной любви очень важно знать, что человек принадлежит тебе. Что не предаст. Что его любовь навсегда с тобой. То есть жажда обладания, собственническое чувство... Откуда такие страдания при любовных разрывах, изменах. А также множество разных патологий на этой почве. Так вот, маньяк реализует эту неистребимую жажду: обрести другого в свою собственность, в полное распоряжение – путем обладания его телом. С которым можно делать что угодно. Причинять боль, лишиться жизни... Крайнее и болезненное воплощение жажды обладания. Только ты имей в виду, Алексей, я специально маньяками никогда не занималась. Я психолог, а не психиатр. Возможно, что-то упустила. Или неточно сформулировала.

– Мне вполне хватит... Насколько я знаю, проблемы в психике маньяков закладываются в детстве?

– В целом да. Это связано с родительской любовью. Она закладывает первоосновы в наше сознание. Мы, вырастая, строим модель мира в соответствии с тем, что нам преподнесло детство в качестве этой модели. А детство – это родители. Их любовь/нелюбовь к ребенку, их любовь/нелюбовь друг к другу... Знаешь, когда ко мне обращаются молодые родители на грани развода, я обычно советую им все же идти до конца и решиться на развод. Меня многие коллеги осуждают за это... Конечно, развод всегда травма для ребенка. Но еще страшнее, если они останутся вместе, не любя друг друга и постоянно лицемеря. Это создает для ребенка болезненную, превратную, порочную модель мира... Ты меня понимаешь, Алексей? Модель мира, лишенную любви...

– Не просто понимаю. Приветствую!

Вера немного помолчала. Мысль ее, видимо, улетела на какое-то время к тем беседам со своими пациентами, к тем спорам со своими коллегами, о которых она упомянула.

– Ты сказала, что он мог получить первоначальные понятия добра и зла в детстве, – вернул ее Алексей к теме. – Выходит, нормальная семья? И в то же время его отклонения были заложены в детстве. Как это совместить?

– Не мучай меня, – улыbnулась Вера. – Я же не специалист. Ну, можно представить такую картину, к примеру: его воспитывала бабушка, которая сумела заложить в его сознание эти понятия. В то время как родители его не любили. Авторитарный отец или мать... Не знаю, Алеша. Что-то в таком роде. Но, как бы там ни было, среди маньяков существует немало людей, которые отдают себе отчет, что тяга к убийству выводит их за грань людей – в когорту нелюдей. Здоровая, нормальная часть их личности от этого знания страдает. И потому они хотели бы остановиться. Но не могут самостоятельно. Он там говорил тебе о сигаретах... Он прав. Нужны дополнительные меры. В данном случае – чужое вмешательство. Бенедикт почему-то решил, что твое.

– Хорошо... Теперь другой вопрос: мой посетитель и есть сам маньяк? Или подставное лицо?

– Затрудняюсь ответить. Не будем забывать, что тяга к убийствам говорит о сдвинутой психике... При этом практически все маньяки – актеры. В обыденной жизни играют успешно роль отличных отцов семейства, учителей, религиозных деятелей и так далее. Что говорит о наличии актерских талантов у всех у них. Впрочем, это не совсем актерский талант в строгом понимании слова. Это раздвоение психики. Нормальный же актер всегда адекватен себе – даже тогда, когда входит в роль...

– А наш случай?

– Я склонна думать, что актер. То есть нанятый человек. Заметны крошечные паузы, в которые он думает, как повести себя дальше. Маньяк, мне кажется, более спонтанный и органичный по той элементарной причине, что он ничего не играет. Просто в определенных обстоятельствах начинает действовать его второе "я". И поскольку это органично присущая ему грань личности, то он не актерствует. Откуда не может быть зазоров, пусть даже микроскопических, в обдумывании своего поведения. А у твоего клиента они имеются.

– Вера, ты уверена?!

– Нет. Я только предполагаю. Скажем так: мне такую трактовку подсказывает интуиция. Женская в первую очередь. И во вторую – профессиональная...

– Хорошо. Пусть ко мне пришел актер, подставное лицо. По-твоему, за ним стоит реальный маньяк?

– Алексей, я могу ошибаться. С этой поправкой я рискну высказаться: к тебе пришел если не сам маньяк, то его посланник.

– Значит, мне стоит воспринимать всерьез этот визит?

– Думаю, что да...

Этого было очень мало, но уже кое-что. Главное, что Вера подтвердила его ощущение: к нему действительно обратился маньяк. Через подставное лицо или прямо – это вопрос пока не первостепенной важности.

Пока предстояло решить куда более насущный вопрос: попытаться ли вычислить маньяка, занявшись поисками знакомого знакомых, который мог надбать информацию о личной жизни детектива, или принять "заказ" маньяка? Ответить на брошенный вызов?

Он подумал немножко для очистки совести, взвешивая все "за" и "против". На самом деле он уже знал, что вызов примет.

...А к Игорю он подключит Ванюшку. Два молодых парня быстрее разговорятся. Отношения у них сложились неплохие, хотя не назвать их дружескими... Может, потому, что редко

пересекаются: Ванька теперь нечасто бывает дома, а Игорь уходит в семь вечера, у него рабочий день заканчивается...

Неважно, все равно Ваня лучше с задачей справится! Так что пока эту тему можно закрыть. И открыть другую тему – *единственно* важную тему: принять вызов и выиграть!

2 октября

Он решил ничего не говорить Александре. Свадьба должна была состояться через две недели в узком кругу избранных друзей. Они оба сочли, что было бы неправильно отменять свадьбу из-за ограбления, и Сашка, без того до зубов занятая своими журналистскими делами, обещала взять на себя организацию скромного приема в скромном ресторане.

Впрочем, у Сашки свое понятие "скромного". Это означало примерно следующее: хороший ресторан, качественный, но без понтов. Из тех, которые, по счастью, обделила своим вниманием столичная богема всех сортов. Понтов они не выносили оба.

Инициатива Александры его очень устраивала: она высвобождала ему время для поиска грабителя. Теперь слово "грабитель" поменялось на слово "маньяк", но Саше об этом знать ни к чему. Только разволнуется, а ей сейчас это совсем некстати. Хватит с нее шока от ограбления... Главное, что Алексей пытается вернуть их деньги.

И он их вернет. У него есть целый месяц, тридцать дней. В октябре тридцать один, но последний день уже не для поисков – в последний день нужно карты на стол. Так что тридцать. И это немало. Он успеет!

Алексей долго думал, с чего начать. Точнее, он знал, с чего: с дел по маньякам, которые имелись на Петровке. Но ему не хотелось подключать к этому поиску Серегу. Он, без сомнения, снова примется ругаться и всяко обзывать нехорошими словами, из которых самым нежным, Алексей знал, будет "чудак на букву "м". Мол, как так к нам не притащил, мы бы вытряхнули, мы бы!.. Но дело даже не в этом.

Алексей верил, не мозгами, а нутром: это *дуэль*. Один на один. Вмешательство милиции только все испортит, Бенедикт соскочит, как и предупреждал. И тогда не видать им с Сашей денег на квартиру...

Но, что еще хуже, тогда будет тринадцатое убийство. И ляжет оно на совесть Алексея. А его совесть не имела привычки обременять себя подобным грузом.

...Он давно заметил, что дело не столь долго *делается*, сколь долго *подготавливается*. И на этот раз эта фатальная схема сработала.

Он потратил почти весь рабочий день, чтобы связаться с тем человеком, который сидел на Петровке на серийных преступлениях. Он подждал его в конце рабочего дня в кафе в саду "Эрмитаж", недалеко от имперского здания номер 38 по Петровке, куда пригласил на "рюмку чая". Он в двух самых общих словах (дабы не пошла волна по Петровке, где, помимо Сереги, Алексея Кисанова еще знали и помнили многие) рассказал ему о своем клиенте... И все это для того, чтобы услышать:

– Но у нас нет никаких нераскрытых серий за последние двенадцать месяцев!

Бум! Не может такого быть... Не могли они с Верой ошибиться!

...Почему, собственно, не могли? Все ошибаются, хотя бы изредка, и ни он, головастый сыщик, ни отличный психолог Вера не застрахованы от подобной участи...

– Правда, недавно наметилась одна, хотя я пока не уверен... Но преступник – педофил. А ваш, если ему верить, по женщинам специализируется.

– Вы не допускаете, что могли что-то пропустить?

– Допустить можно все... При нашем-то бардаке... – невесело усмехнулся специалист по "сериям", которого звали Виктором. – Там дело прикрыли, чтобы отчетность не портить, там вешдоки потеряли... Только проблема в другом. Вы же знаете, что у маньяков обычно один почерк... А этот тип сказал вам, что убийства совершены разными способами.

– Но такое ведь тоже бывает?

– В мелочах. Но обычно орудие преступления одинаково, как и способ убийства, плюс другие характеристики. Деталька какая, вещица на теле жертвы или на месте преступления – это и есть почерк.

– То есть, по-вашему, маньяк не может действовать разными способами?

– А в чем же тогда серия? – Виктор чуть насмешливо улыбнулся непросвещенности детектива.

– И все же... – Надежда умирает последней, как известно, и Кис пытался уловить ее угасающий лучик. – И все же, предположим, что мы имеем дело с редким случаем. И именно по этой причине убийства не были выделены в серию, не были связаны между собой. Однако все же их что-то объединяет. Что-то такое, что вы упустили. Есть на это шанс?

Виктор почесал голову с той стороны, где пряди, разделенные косым пробором, были длиннее, отчего они затопорщились. Он был совсем юнцом – недавно из Академии МВД. Пылкий борец со злом, обладающий фантастической памятью и аналитическими способностями. "Наш маньяк, сидящий на маньяках", – так охарактеризовал парня Серега. Счастье, что не все мании ведут к убийствам...

– Честно говоря... – заговорил Виктор с сожалением, – не думаю. Допустим, убийства совершены разными способами, ладно. Но должны существовать другие характеристики серийных убийств – знаки на теле, способы прижизненного или посмертного увечья, – и это уже бы всем бросилось в глаза. Знали б вы только, Алексей Андреевич, что они вытворяют... Такое не забудешь. И не упустишь при последующем столкновении! Но я еще подумаю, Алексей Андреевич...

Виктор, несмотря на то что впервые встретился с детективом, явно слышал о нем от старой гвардии, и в голосе его слышалось некоторое почтительное извинение, что не может помочь...

У Алексея, оглушенного первой неудачей, других вопросов к Виктору пока не было.

Направляясь к выходу из сада, он увидел Бенедикта. По крайней мере, так ему показалось. Мужчина стоял между деревьями и, похоже, писал, повернув голову вбок, в сторону детектива. И улыбался.

Алексей не стал вглядываться. Ну, допустим, это был Бенедикт. Ну, допустим, он хочет знать, что предпринимает детектив, каковы его первые шаги, какова логика. Да пусть себе интересуется! Алексею без разницы...

Но все-таки неприятное чувство не отпускало его весь остаток вечера.

3 октября

Алексей не надеялся, что «еще подумаю» Вити принесет какие бы то ни было результаты. Нет, он не сомневался ни в увлеченности «маньяка по маньякам», ни в его способности к анализу. Сомневался он в другом: в его опытности. Которая дарит способность ощущать – именно *ощущать*, а не *знать*! – психологию другой личности, ее странный и нездоровый ход мышления, ее внутреннюю логику. Словно, тыркаясь множество раз в чужой и странный способ восприятия мира, постепенно находишь лазейки, щели, через которые ты, человек здоровый, – то есть устроенный совершенно иначе, – подглядываешь как бы изнутри больной ход мысли.

Такой опыт давал дополнительное зрение. Наверное, это и есть интуиция – когда что-то подсказывает тебе, какую детальку надо заметить, на что обратить внимание, что тут важно...

У Виктора этого опыта не было, а у Алексея не было времени. Перелопатить все дела, заведенные по убийствам за последние двенадцать месяцев, в поисках тех самых деталек, – так ему и года не хватит, не то что тридцати дней, отпущенных Бенедиктом... Тем более что о маньяках он знал не больше, чем любой обыватель, почерпнувший свои представления в основном из прессы и кино.

И он, едва выпив свой утренний кофе, забурился в Интернет: решил обогатить свои познания.

...Выбрался он оттуда не скоро, полностью больной. Нет такого слова в русском языке, которое описывало бы то состояние глубокого отторжения, которое он испытывал. Хотелось, как в детстве, чтобы кто-нибудь ему сейчас сказал: ну что ты, глупыш, это же только сказка, страшная сказка, и все!

Но это было не сказкой и даже не было киношным триллером – это было действительно. За гранью человеческого понимания.

Стараясь отделаться от омерзительного ужаса, Алексей вышел прогуляться. При ходьбе пешком ему всегда хорошо думалось, словно все лишнее, ненужное облетало под легким ветерком, оставляя в голове только ценные мысли.

Пришлось ему признать, что все те представления о маньяках, которые он до сих пор имел, не стоят и гроша. Среди них были люди из формально хороших семей, даже вполне балованные в детстве. Что, впрочем, не означает недостаток той любви, о которой говорила Вера... Среди них были люди с довольно развитым интеллектом, имевшие высшее образование и приличные должности. Пусть такие экземпляры встречались довольно редко, но все же они сводили расхожую идею о тяжелом наследии детства к нулю. И приводили, тыкали детектива лбом в *болезнь*. В отклонение от нормы, испорченный ген – и нет в мире логики и психологии, способных объяснить это явление. Нету. И ничего он, Алексей Кисанов, самодовольно рассуждавший о превосходстве своего опыта и умения чувствовать чужую душу, – ничего он не сумеет почувствовать. Это инопланетяне, и бессмысленно прикладывать к ним человеческий опыт и знания...

Хотя малюсенькая польза от погружения в пучину этого дерьма все-таки имелась: Алексей убедился, что желание остановиться – точнее, быть остановленным – отнюдь не редкое явление среди этих убийц.

Кроме того, он вычитал пару нетипичных случаев, в которых изобретательный маньяк действовал *разными* способами убийства, хитроумно сообразуя их с обстоятельствами, но все-таки всегда оставлял свой знак, хоть малюсенький, – свою подпись...

Из этого явственно вытекало маньяковое тщеславие, Вера была права. Маньяк самодовольно утверждался, он что-то кому-то доказывал – и он желал, чтобы его доказательства дошли по назначению! Откуда и все эти знаки. Если актеру нужна публика, выражающая признание апло-

дисментами, то маньяку нужна публика, выражающая свое признание ужасом. Как ни дико звучит...

Арбат шумел, как всегда, праздным гулом людских голосов, и это было хорошо. Вокруг ходили нормальные люди. Кошмар от погружения в Интернет стал понемногу отпускать его...

И вдруг он увидел Бенедикта. Тот даже не прятался. Он сидел на ступеньке возле какого-то магазина, подставив лицо еще теплому солнцу.

Алексею было до такой степени неприятно его видеть, что он чуть не повернул обратно. Но тут же спохватился и, упрекнув себя в малодушии, продолжил свой путь по улице. Когда до Бенедикта оставалось несколько шагов, тот приоткрыл свои чайные глаза, посмотрел на детектива и послал ему двумя пальцами воздушный поцелуй. После чего снова закрыл глаза и подставил лицо солнцу...

С трудом удержавшись от желания вмазать по этому пухлому рту, по ярким, чувственным губам, Алексей свернул в переулок. Прогулка была испорчена. "Привет от маньяка" завис в воздухе, как издевательский восклицательный знак...

Второй рабочий день подходил к концу, а у Алексея не было даже идеи. Даже махонькой зацепки не было. У него имелись подходы в ЗИЦ, Зональный информационный центр МВД, где хранится информация обо всех преступлениях в Москве, но надо же знать, что там искать... ЧТО?

Весь вечер он соображал. Точной статистикой он не располагал, но знал, что, по официальным данным, в Москве за прошлый год было совершено примерно 1300 убийств. Раскрываемость порядка семидесяти процентов – то есть где-то около четырехсот остались безнаказанными. Теперь, известно, что среди жертв большинство – женщины. Так что из этой цифры отнимем примерно половину, которая приходится на мужчин и детей...

Далее, незамужние, – отнимем наугад еще половину. Итого, цифра должна быть где-то в районе пятидесяти. Это очень, очень много... Что можно еще отнять от этой цифры? Пожалуй, убийства с изнасилованиями. Как следовало из прочитанных материалов, у маньяков почти всегда имелись проблемы с потенцией. "Почти" не покрывает все случаи, конечно, но Алексей рискнул: ведь Бенедикт настаивал на том, что почерк у него *разный*... Кроме того, нужно отместить убийства на бытовой почве. Раскрываемость у них высокая, большинство совершаются по пьяни, и убийц берут тепленькими. Но какая-то доля остается нераскрытой. Поэтому нужно исключить убийства, совершенные «домашними» орудиями преступлений: табуреткой, бутылкой, скалкой, кухонным ножом и так далее.

Останется число в районе тридцати, среди которых нужно найти двенадцать...

Правда, еще порядка тысячи человек в год пропадает без вести – неужто искать среди них? С этим он ни за что не справится за тридцать дней...

Кроме того, существует энное количество случаев, по которым милиция отказалась от возбуждения дела, чтобы статистику не портить...

Однако, если исходить из логики его заказчика, он вряд ли предложил бы детективу искать среди несостоявшихся дел и ненайденных трупов. Это выходило за правила игры. Тщеславие убийцы состояло именно в том, что его до сих пор *не поймали*! Но если его никто не ловит, то и гордиться нечем! Так что его знак должен быть среди той тридцатки, которую он примерно вычислил, – непременно должен быть!

И, значит, он есть в ЗИЦ!

4 октября

Можно было бы и по телефону объяснить, но Алексей предпочел договориться со старой приятельницей об ужине в ресторане прямо сегодня же вечером. Он никогда толком не знал, как нужно платить за любезности. Как измерить свою благодарность? Как определить цену услуги? В каких единицах должна быть выражена его признательность? Букетом цветов? Коробкой конфет? Бутылкой ликера? Приглашением на ужин? Или лучше единица будет денежной?

С Тамарой – девушкой не самого юного возраста, но зато при самом главном, самом ценном компьютере МВД – система мер и весов была уже давно установлена: ужин в хорошем ресторане ее вполне устраивал. Вкупе с некоторым количеством душевных излияний и восклицаний, должных приземлиться на жилетку детектива. Он-де понимающий и тонкий. А они все козлы. И только он может понять, – но при этом он не нужен, а "козел" понять женскую душу категорически не способен, – но он-то как раз и нужен...

В этом сплетении женских эмоций Кис изрядно поднаторел за последние годы. И если бы требовался от него честный совет, то он мог быть только таким: гони его к чертям собачьим, Тамара (Маша, Наташа)!

Но Тамара (Маша, Наташа) хотела отнюдь не такого совета. Не хотела она *его* гнать к чертям собачьим. Она хотела *его* приручить. *Его*, неприрученного.

Девушки всех возрастов хотели чуда. И он с этим смирился постепенно, научился обходиться какими-то гладкими и бессмысленными словами, которые, к его непомерному удивлению, действовали на них, подобно заклинаниям шамана. Они уходили просветленные, с надеждой смотря в свое безнадежное будущее и с трепетной благодарностью "отличному мужику и настоящему другу", Алексею Кисанову, который самым неведомым образом им эту надежду подарил.

Вера как-то объяснила: "На самом деле никто ни к кому не приходит за советом. Приходят за эмоциональной разрядкой. Разрядившись в вашу жилетку, человек чувствует себя обновленным. Такой энергетический обмен: он вам своих "крокодилов" сбрасывает (помните старый анекдот?), а у вас получает подпитку. И с новыми силами бросается решать свои проблемы, даже если они неразрешимы..."

С Тамарой детектив давно ладил, еще со времен своей работы на Петровке, и за долгие годы приятельства скопил в себе компактный террикон ее откровений. В последние годы он обращался к ней редко и по пустякам, что всегда завершалось приглашением на ужин. Но на этот раз он был решительно настроен Тамаре заплатить: речь шла уже не о мелкой услуге, а о работе, о сверхурочном времени, если угодно. И теперь мучился, как лучше сказать ей об этом: боялся, что откажется от денег.

Первый акт – рассказ Тамары о личной жизни – уже подходил к концу, как, впрочем, и ужин. Он заказал для нее десерт и шампанское – она была большой почитательницей этого напитка, – и тут она проницательно спросила:

– Кис, раз ты меня позвал, значит, у тебя ко мне дело?

Он ломаться не стал и, не вдаваясь в подробности, пояснил, что пытается вычислить маньяка.

– Вот первые параметры поиска, – протянул он листок бумаги Тамаре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.